

Сочинения Детки

Наталья Александрова

Почему КОРОВЫ не летают?

Частный сыщик Василий Куликов

Наталья Александрова

Почему коровы не летают?

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Почему коровы не летают? / Н. Н. Александрова — «АСТ»,
2018 — (Частный сыщик Василий Куликов)

ISBN 978-5-17-106717-5

Устраиваясь на работу в детективное агентство, Василиса Селезнева мечтала принимать участие в настоящей оперативной работе. Но на деле все оказалось куда прозаичнее. Клиенты появлялись редко и оказывались совсем неинтересными: как правило, это были мужья или жены, которым казалось, что их спутник ведет нечестную игру, а попросту говоря – ходит налево. Вот и новый клиент, похожий на унылого верблюда, заявил о пропаже жены, которую подозревал в неверности. Василисе влезать в очередные семейные разборки ой как надоело, однако она берется за расследование и раскрывает тайну неверной жены, а также выводит на чистую воду мужа и его мамашу. Книга также издавалась под названием «Все против свекрови»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106717-5

© Александрова Н. Н., 2018
© АСТ, 2018

Наталья Александрова

Почему коровы не летают?

© Н. Александрова, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Женщина взглянула в зеркало заднего вида и снова увидела ту же самую красную машину, которая преследовала ее с самого утра.

Они почти не скрывались, ехали за ней по пятам.

Что делать?

Справа мелькнул вход в торговый центр.

Женщина затормозила, вышла из своей «хонды» на Владимирский проспект, огляделась по сторонам. Красная машина остановилась совсем рядом, но из нее никто не вышел.

Понятно, следят, выжидают. Им некуда торопиться.

Женщина резко выдохнула, спрятала ключи в сумочку, направилась к дверям центра. Перед самым входом не выдержала, бросила взгляд в зеркальную витрину, делая вид, что поправляет прическу.

Красная машина стояла на прежнем месте, сквозь затемненные стекла просматривались силуэты четырех мужчин.

И тут, совсем рядом, она увидела молодую брюнетку в легком желтом пиджаке. Худощавая, с короткими прямыми волосами, примерно ее возраста...

У нее мелькнула спасительная мысль.

Брюнетка в желтом вошла в торговый центр, огляделась, направилась к одному из маленьких магазинчиков.

Женщина из «хонды» быстро вошла в другой магазин, проследовала вдоль вешалок с одеждой, высмотрела желтый летний пиджак. Конечно, не совсем такой, как у той брюнетки, но какое-то сходство есть, издали вполне можно перепутать...

Она примерила пиджак, к счастью, он оказался почти впору. Позвала продавщицу, расплатилась, попросила ножницы, срезала этикетки и вышла из магазина в новом пиджаке.

Нашла среди покупателей давешнюю брюнетку и двинулась за ней.

Та обошла несколько магазинов и заглянула в бистро на первом этаже центра.

Женщина из «хонды» немного выждала и тоже вошла в бистро.

Брюнетка стояла возле прилавка, расплачиваясь.

На ее подносе возвышались тарелка овощного салата, чашка кофе и стакан томатного сока. Заботится о здоровье...

Женщина из «хонды» отбросила эту несвоевременную мысль. Ей сейчас нужно думать о своем спасении.

Брюнетка подняла поднос, развернулась, двинулась к свободному столику... и налетела на женщину из «хонды».

Томатный сок и кофе растеклись по новому желтому пиджаку. Женщина из «хонды» вскрикнула, покачнувшись, в ужасе уставилась на свою безнадежно испорченную одежду.

Брюнетка пыталась помочь ей бумажными салфетками оттереть пиджак, но это было бесполезно.

Женщина в испорченном пиджаке бросилась в туалет, брюнетка, чувствуя свою вину, отправилась за ней.

Войдя в туалетную комнату, она увидела душераздирающее зрелище: незнакомка сидела в углу на корточках, ее одежда была залита не только соком и кофе, но еще и кровью, в крови было и лицо, плечи судорожно вздрагивали.

– Господи, что с вами?! – в ужасе вскрикнула брюнетка. – Неужели это из-за меня?

– Не беспокойтесь... – проговорила незнакомка дрожащим голосом. – Со мной бывает... от стресса у меня кровь идет носом... сейчас я успокоюсь... все пройдет...

– Может, «Скорую» вызвать? – предложила брюнетка.

– Нет, нет! – незнакомка покачала головой, с трудом встала, повернулась к зеркалу. – Ничего, это сейчас пройдет...

Она смыла кровь с лица, оглядела свою одежду.

Брюнетка стояла рядом с ней, глядя в зеркало.

В какой-то момент ей показалось, что у нее двоится в глазах: две одинаковые женщины в желтых пиджаках смотрели на нее из зеркала, только у одной из них пиджак был в алых, багровых и коричневых пятнах, как картина авангардиста, и по лицу сбежали две тонкие ниточки крови. На мгновение брюнетка утратила чувство реальности, она не могла понять, которая из этих двух женщин она сама. Или обе? Или ни одна?

В следующую секунду наваждение прошло.

Да не так уж они с незнакомкой похожи...

– Можно вас попросить... – проговорила незнакомка робким, дрожащим голосом. – Я не могу выйти отсюда в таком виде. Тут рядом стоит моя машина, пожалуйста, принесите мне сумку... там у меня лекарства, и чистая курточка есть...

Просьба показалась необычной. Однако брюнетка чувствовала свою невольную вину, и незнакомка казалась такой несчастной, трогательной и беспомощной.

– Какая машина? – спросила брюнетка.

– Белая «хонда», она стоит почти перед самым входом в центр... вот ключи... – И женщина протянула ей брелок в форме божьей коровки. – Сумка лежит на полу перед передним сиденьем... довольно большая, от Louis Vuitton... и огромное вам спасибо!

– Не стоит, – ответила брюнетка, взяв ключи, и направилась к выходу.

У нее было какое-то странное чувство – будто все происходит не наяву, а во сне, и каждый ее шаг заранее предопределен, будто кто-то управляет ею, как куклой-марионеткой...

Она оглянулась на незнакомку.

Ей показалось, что та следит за ней пристально и неотступно, как хищник за своей жертвой... да нет, это только показалось! В конце концов, она дала ей ключи от своей машины...

Едва брюнетка вышла из туалета, незнакомку как будто подменили. Она прекратила дрожать и всхлипывать, сняла залитый кровью и соком пиджак, скомкала его и запихнула в мусорное ведро. Потом быстро умыла лицо, вытерлась бумажным полотенцем и выскользнула наружу. Оглядевшись по сторонам, скользнула к окну, выходящему на Владимирский проспект.

Брюнетка в желтом пиджаке как раз подошла к белой «хонде», нажала кнопку брелока, открыла переднюю дверцу и заглянула внутрь.

Сумки на полу не было.

Тогда она села в машину, чтобы оглядеться внутри.

И тут вспыхнуло ослепительное белое пламя, «хонда» подпрыгнула и разлетелась на куски, и только после этого раздался оглушительный грохот.

Прохожие замерли, пораженные. Кажется, почти никого из них не задело, только одному мужчине осколком стекла порезало щеку.

Хозяйка взорвавшейся «хонды» не отрывалась от окна.

Она увидела, как замершие на миг прохожие кинулись врассыпную, как кто-то достал мобильный телефон – не для того, чтобы вызвать «Скорую» или милицию, а чтобы заснять последствия взрыва...

Но ее волновало другое.

И вскоре она увидела, как красная машина, преследовавшая ее с самого утра, отъехала от тротуара и влилась в непрерывный поток автомобилей...

Выждав для верности еще несколько минут, женщина вышла из торгового центра и не торопясь пошла в сторону метро, стараясь не смотреть в ту сторону, где зеваки толпились вокруг дымящихся обломков ее машины...

– ...Женщина, успокойтесь, пожалуйста! – Василий Макарович привстал из-за стола, озабоченно глядя на клиентку. Еще, чего доброго, случится с ней сердечный приступ прямо у него в кабинете, что тогда делать?

Клиентка оказалась, прямо скажем, необычная. Это была сухопарая особа с узкими бледными губами, длинным носом, на котором криво сидели очки с сильными диоптриями, и жидкими волосами, собранными на затылке в неопрятный узел. Одета она была в строгий костюм нежно-крысиного цвета, из-под которого выглядывала блузка, больше смахивающая на мальчиковую поплиновую рубашку. На коленях у нее лежала сумка такого размера, что в нее вполне мог поместиться большой арбуз. Сумка была тоже серая, под цвет костюма.

Вообще, эта клиентка напомнила Василию Макаровичу учительницу Авдотью Петровну, которая в далекие школьные годы преподавала ему русский язык и литературу. Она вбивала в головы учеников правописание слогов «жи» и «ши» с упорством, достойным лучшего применения, и еще лет двадцать после окончания школы Василий Макарович просыпался в холодном поту, увидев во сне, что не приготовился к диктанту на шипящие согласные.

Итак, эта особа была похожа на учительницу из далеких советских времен, а вовсе не на клиентку частного детектива.

А Василий Макарович Куликов был именно частным детективом.

Он многие годы проработал в милиции, и когда наконец коллеги проводили его на заслуженный отдых, подарив в знак признательности и уважения новый плазменный телевизор, – он испытал чувство легкости и свободы. Ему не нужно было вставать на работу, не приходилось спешить в родное отделение, не требовалось по долгу службы общаться с опасными криминальными личностями...

Эти приятные чувства Василий Макарович испытывал ровно неделю, а потом он понял, что жизнь его стала пустой и бессмысленной. Ему не хватало бессонных ночей, засад и погонь, не хватало головоломных расследований, событий и приключений, не хватало даже выволочек от начальства за несвоевременно сданный отчет – в общем, не хватало всего того, от чего, казалось бы, он так устал на работе. Конечно, у него было хобби: в свободное от работы время он собирал модели разнообразной военной техники – танков, бронетранспортеров, самоходных установок. Но раньше он делал это действительно в свободное время, чтобы отдохнуть от работы, теперь же все его время стало свободным, и интерес к хобби сразу же упал.

Конечно, был еще телевизор, подаренный родным отделением, но Василий Макарович никогда не любил проводить время перед голубым экраном и не собирался приучаться к этому бессмысленному занятию на старости лет.

Короче, он промучился некоторое время и наконец решил открыть частное детективное агентство.

Так он надеялся использовать свой большой опыт в решении криминальных загадок, занять время и заодно подзаработать денег к пенсии.

Агентство было совсем маленькое, в нем числилось всего двое или трое сотрудников. Сам Василий Макарович являлся директором, главным аналитиком и оперативным работником – все в одном лице. Кроме него, в агентстве работала девушка Василиса – она считалась бухгал-

тером и офис-менеджером, хотя на деле выполняла более сложные и разнообразные задачи. И еще был Бонни, но Бонни – это отдельная тема.

Создав агентство, Василий Макарович дал объявление в несколько рекламных газет и стал ждать клиентов.

Клиенты появлялись редко и оказывались совсем неинтересными: как правило, к Василию Макаровичу приходили мужья или жены, которым казалось, что их спутник ведет нечестную игру, говоря попросту – ходит налево.

Но сегодняшняя клиентка совсем не походила на обманутую жену.

Этот крысино-серый костюм, бесцветный узел волос и весь засушенный облик – все говорило о том, что перед Василием Макаровичем сидит старая дева. Причем чрезвычайно расстроенная старая дева, находящаяся на грани истерики или сердечного приступа.

– Женщина, успокойтесь! – повторил Василий Макарович. – Может быть, вам валерьянки накапать? Василиса! Василиса!

Дверь кабинета приоткрылась, и в него заглянула Василиса.

– Василиса, принеси женщине валерьянки! – распорядился Василий Макарович.

Василиса взглянула на клиентку с сомнением, но в это время из соседней комнаты донесся подозрительный шум, и девушку как корова языком слизнула.

– Не надо валерьянки! – проговорила клиентка голосом, скрипучим, как старая несмазанная дверь. – Я не какая-нибудь неврастеничка! Я заслуженный учитель с большим педагогическим опытом, меня даже второгодник Воропаев не смог до истерики довести...

– А-а... – протянул Василий Макарович. – Я почему-то так и подумал... так что у вас случилось?

Заслуженная учительница положила под язык таблетку валидола и начала:

– Несмотря на свой большой педагогический опыт, я оказалась невостребована в школе. Меня отправили на пенсию...

– Знакомая история... – вздохнул дядя Вася. – Извините, это я так, о своем... вы продолжайте...

– Конечно, работа в школе очень утомительная и нервная, так что на первых порах я почувствовала заметное облегчение, – продолжила клиентка. – Но за долгие годы я привыкла к работе с детьми, к постоянной загруженности, мне чего-то не хватало...

– Вот и мне тоже... – Василий Макарович сочувственно взглянул на клиентку, подпер кулаком подбородок и смущенно добавил: – И пенсия маловата...

– И это тоже, – согласилась женщина. – В общем, когда моя родственница попросила меня присмотреть за своим ребенком, я согласилась. В конце концов, десять лет – это такой хороший возраст! Мальчики в этом возрасте такие живые, такие изобретательные!

– Да уж, изобретательные! – хмыкнул Василий Макарович. – Помню, как-то на уроке химии мы с ребятами такое изобрели... Ну, вы продолжайте, продолжайте. Значит, родственница попросила вас присмотреть за мальчиком... а сама она?..

– А сама она уехала в отпуск, в Турцию, со своим мужем.

– А что же они мальчика с собой не взяли? Вроде бы сейчас еще каникулы...

– Дело в том, – клиентка немного понизила голос. – Дело в том, что муж у нее новый. В смысле, не первый. В смысле, он не родной отец Сережи, а отчим. И Аня решила, что мальчику будет с ним не очень комфортно...

– Или отчиму не понравится, если рядом будет... живой и изобретательный мальчик! – добавил дядя Вася. – Но вы продолжайте. Я пока так и не понял, что вас привело ко мне?

– Сережа пропал! – воскликнула клиентка неожиданно высоким голосом и схватилась за сердце.

– Пропал? – озабоченно переспросил Василий Макарович. – Как? Когда?

Женщина перегнулась через стол и прошептала трагическим голосом:

– Его похитили!

– Вот как? – Дядя Вася немного отстранился и забарабанил пальцами по столу. – Но тогда... тогда вам нужно обратиться в милицию. Дело серьезное, ребенка нужно искать с привлечением всех возможных сил. В нашем агентстве всего двое сотрудников... ну, или трое.

– Нет! – воскликнула клиентка так громко, что Василий Макарович невольно отшатнулся. – Ни в коем случае! Милицию нельзя привлекать ни в коем случае!

– Почему?

– Так написал похититель, – и женщина положила на стол перед Василием Макаровичем сложенный вдвое листок в клеточку.

Дядя Вася аккуратно развернул листок, разгладил его и прочитал:

«Если хотите получить Сережу назад приготовьте пятнадцать тысяч двести рублей. В милицию не в коем случае ни обращайтесь, а то Сереже будет плохо. Похититель».

– Вот видите... – проговорила клиентка. – Сереже будет плохо!

– Ну, думаю, ему и сейчас не очень хорошо... – Дядя Вася внимательно осмотрел записку и даже обнюхал ее.

– Наверняка этот похититель – ужасный человек, – клиентка снова перегнулась через стол и ткнула пальцем в записку. – Возможно, он иностранец.

– Почему вы так думаете?

– Ну как же! Вы видите, он совершенно не владеет русским языком! Он путает частицы «не» и «ни»! И слово «тысяч» он написал с мягким знаком! Я уж не говорю о запятой!

– Да? – Дядя Вася снова взглянул на записку. – В самом деле... но вообще-то у меня в школе тоже были проблемы с этими частицами...

– Что вы говорите?! – Клиентка отстранилась и посмотрела на частного детектива с явным неодобрением. – Может быть, я ошиблась адресом... хотя...

– А как вы нашли наше агентство? – задал ей Василий Макарович традиционный вопрос, в основном для того, чтобы потянуть время и подумать.

– В газете, – ответила клиентка и тут же достала из своей сумки обрывок рекламной газеты, украшенный большим жирным пятном. – Вы не обращайте внимания, я на этой газете селедку чистила...

– Астраханская... – проговорил дядя Вася, приняв записку.

– Что?! – недоуменно переспросила женщина. – Нет, моя фамилия Архангельская! Пелагея Петровна Архангельская!

– Очень приятно... – пробормотал дядя Вася. – Нет, это я про селедку... селедка была астраханская. А у вас, Пелагея Петровна, нет случайно сестры по имени Авдотья? Тоже учительницы? Хотя что я говорю! Это было так давно!

– Нет, – вздохнула клиентка. – У меня нет ни сестер, ни братьев.

– Это плохо... – проговорил Василий Макарович и снова придвинул к себе записку похитителя. – Ну, расскажите мне, как все произошло...

– Мы с Сережей пошли в торговый центр «Кассиопея», – начала Пелагея Петровна. – Я хотела купить новую тефлоновую скатерть. Понимаете, я пролила на старую скатерть кофе, пятно никак не отстирывалось, ну, и я решила купить Ане новую. А то неудобно получается... ну, вы понимаете...

– Давайте ближе к делу! – поторопил ее дядя Вася.

– Ну, я как раз подхожу к делу. В торговом центре Сережа закапризничал, не хотел ходить со мной по магазинам, и я оставила его около игровых автоматов. Он их просто обожает. Я ушла буквально на пять минут, купила скатерть, а когда вернулась – Сережи уже не было. Конечно, я очень перепугалась, стала всех спрашивать, но никто его не видел. Тогда я подумала, что он не дождался меня и пошел домой. Вернулась домой – но там его, конечно, не было. Я хотела снова идти в торговый центр, и тут зазвонил дверной звонок...

Пелагея Петровна решила, что возвратился Сережа, и бросилась открывать. Однако когда она открыла дверь, на лестничной площадке никого не было, только перед самой дверью лежала записка. Та самая записка от похитителя, которую она принесла Василию Макаровичу.

– Ну вот, сначала я очень испугалась и растерялась, а потом нашла в газете ваше объявление и решила идти к вам! – закончила клиентка свой рассказ. – Ведь в записке сказано только, что нельзя обращаться в милицию, а про частного детектива ничего нету...

– Это хорошо, – проговорил Василий Макарович. – То есть, конечно, то, что мальчика похитили, – это очень плохо, но то, что вы обратились ко мне, – это хорошо, это правильно. Потому что каждым делом должен заниматься специалист. Вот вы, например, специалист по правописанию частиц «не» и «ни» и мягкого знака...

– Как вы думаете, – перебила его Пелагея Петровна, – Сережа еще жив? Мы сумеем его спасти?

Василий Макарович посмотрел на клиентку очень серьезно и проговорил насколько мог уверенно:

– Он жив, я не сомневаюсь. Ведь похититель... или похитители... они хотят получить за него выкуп, а это значит, что он нужен им живым. А сумеем ли мы его спасти... тут многое зависит от нас с вами, от того, насколько грамотно мы будем действовать. Но вот что меня интересует: почему похитители назначили именно такую сумму выкупа? Почему именно пятнадцать тысяч двести рублей?

– Я не знаю... – Пелагея Петровна опустила глаза в стол. – Я могу только догадываться. Аня... Сережина мать... она, конечно, продуктами холодильник набила, за телефон, электричество заплатила, всего накупила на время отпуска... но мало ли что случится? Вот она и оставила мне деньги на всякий случай. Пятнадцать тысяч рублей. Ну, еще двести я, конечно, добавлю...

– Значит, похититель знал ваши финансовые возможности... – протянул дядя Вася задумчиво.

– То есть... то есть вы хотите сказать, что это кто-то, кого я знаю? – испуганно проговорила клиентка.

– Я не исключаю такую возможность! – Дядя Вася посмотрел на клиентку очень значительно. – Скажите, Пелагея Петровна, у вас нет никаких подозрений?

Та немного подумала и развела руками:

– Нет!

– Это плохо... – вздохнул Василий Макарович. – Ну что ж, думаю, для начала нам нужно взглянуть на место происшествия.

– На что? – переспросила клиентка.

– Ну, на то место, где вы последний раз видели мальчика. На этот торговый центр...

... Через час они с клиенткой поднимались на эскалаторе на второй этаж торгового центра «Кассиопея».

– Вот здесь я его оставила! – Пелагея Петровна показала на длинный ряд разноцветных автоматов, занимавших площадку перед эскалатором. – Здесь я видела его последний раз...

Она всхлипнула и шумно высморкалась в большой клетчатый платок.

– Только не плачьте, – поморщился дядя Вася. – Слезами делу не поможешь!

Как и большинство мужчин, он не выносил женских слез и впадал от них в состояние растерянности и беспомощности, а в таком состоянии много не работаешь.

– Я не буду, – пообещала клиентка. – Я ведь педагог с большим стажем, я умею держать себя в руках... я сумела сдержаться даже тогда, когда прочитала сочинение Воропаева на тему «Записок охотника» Тургенева...

– Вот и хорошо... – пробормотал Василий Макарович, оглядываясь.

Вокруг него сверкали и переливались разноцветными огнями игровые автоматы с самыми завлекательными названиями – «Война миров», «Безумные гонки», «Подводные приключения», «Город-призрак»...

Возле автоматов маячили мальчишки от семи до двенадцати-тринадцати лет, вцепившись в руль или припав к окуляру оптического прицела.

– За каким автоматом вы его оставили? – уточнил дядя Вася.

– Кажется, вот за этим... – неуверенно проговорила Пелагея Петровна, показав на «Безумные гонки». – Или, может быть, за этим...

Мальчишка, который сидел за ближайшим автоматом, недовольно покосился на нее:

– Тетенька, вам чего?

– Играй, мальчик, не отвлекайся! – успокоил его Василий Макарович и повернулся к клиентке: – Значит, оставили и пошли за скатертью? Это куда?

– Вот туда, по этому коридору!

– Пойдемте. – Дядя Вася взглянул на часы, и они отправились по длинному коридору между маленькими магазинчиками.

– Ну вот, это здесь! – проговорила Пелагея Петровна, остановившись перед стеклянной дверью.

– Четыре минуты... – Василий Макарович взглянул на часы. – Заходите внутрь. Делайте все, что прошлый раз.

Пелагея Петровна вошла в магазинчик и огляделась.

– Вот здесь она лежала, эта скатерть. Я взяла последнюю.

– В чем дело, женщина? – недовольно взглянула на нее продавщица. – Вы по поводу возврата товара? Но это только по вторникам, когда здесь бывает директор...

– Нет, мы по другому вопросу, – успокоил ее дядя Вася.

– А другими вопросами занимайтесь в другом месте!..

– Все, мы уже уходим!

Василий Макарович с клиенткой вернулись к игровым автоматам. Взглянув на часы, дядя Вася проговорил:

– На все у нас ушло двенадцать минут, а не пять, как вы говорили!

– Как двенадцать? – переспросила Пелагея Петровна. – А по моим часам прошло только четыре минуты...

– Не может быть! Четыре минуты мы только шли до магазина и обратно столько же, и еще внутри... – Василий Макарович взглянул на ее часы и фыркнул:

– Да на ваших часах еще полчетвертого, а сейчас уже пять!

– Ой, что вы? Неужели сломались?

– Да, наверное, у вас просто батарейка села, нужно поменять! Вон, кстати, часовой магазин, там вам и меняют...

Магазинчик, в который они вошли, торговал не только часами, но и кое-какой электроникой, в частности видеоиграми, компакт-дисками и игровыми приставками. Дядя Вася наклонился над витриной и вдруг заинтересованно присвистнул.

– Поглядите-ка, Пелагея Петровна! – окликнул он клиентку.

– Ну, что вы там такое увидели? – спросила та, подойдя.

– Вот, игровая приставка «СХ-200»...

– Отличный выбор! – рядом с Василием Макаровичем возник долговязый продавец. – Последнее слово научно-технического прогресса! Мечта каждого геймера!

– Вы что – этими игрушками интересуетесь? – сухо осведомилась женщина, неодобрительно взглянув на дядю Васю. – Вот уж не думала! Зря я, наверное, к вам обратилась!

– Да вовсе не интересуюсь я этими игрушками! – перебил ее детектив. – Я в них вообще ничего не понимаю. Вы не на игрушку, вы на цену посмотрите!

– Пятнадцать тысяч двести рублей, – прочитала Пелагея Петровна. – С ума сойти, какие деньги! Ой...

– Вот именно – ой! – усмехнулся дядя Вася. – Именно та сумма, которую требует неизвестный похититель – или похитители – за возвращение Сережи!

– И что вы хотите сказать?

– Пока ничего, но на кое-какие мысли это меня наводит...

– Ох, тетя Полечка! – громко щебетала я, подходя с Пелагеей Петровной к дому. – Какой у вас дом большой! А какие цветочки у дома красивые!

Цветочки были самые простые – клумба с банальными бархатцами и петуньей, пара кустов флоксов дико-розового цвета. Дом тоже не такой уж большой – самая обычная блочная девятиэтажка. Но я выражала неумеренное восхищение, чтобы меня приняли за полную дуру. Для этой цели я вырядилась в блузочку с рукавами «фонарик» и длинную бесформенную юбку. Может, вам интересно, откуда взялся в моем гардеробчике такой отстой? Блузочку я сама лично купила прошлой весной в секонд-хенде, помню, продавщица еще долго удивлялась, как она могла оказаться среди товара. А юбку попросила у дяди-Васиной соседки на время. Там такая старушка прикольная, она никогда ничему не удивляется. Нужна тебе юбка – пожалуйста, не станет она задавать пустые вопросы – зачем тебе да куда ты в ней идти собираешься...

Когда мы с дядей Васей решили организовать частное детективное агентство, он сказал, что я буду заниматься только бухгалтерией. Ну, еще бумажки разные перебирать. А какая может быть бухгалтерия, когда народу в нашей фирме всего двое и заказов – кот наплакал? Разумеется, я рассчитывала на большее. Мне хотелось принимать участие в настоящей оперативной работе. И что вы думаете? Василий Макарович только руками махал – и не думай даже, кричал, да чтобы я допустил непрофессионала к сложному и ответственному делу? Ой, я вас умоляю, что там сложного-то...

Короче, жизнь очень быстро внесла свои коррективы. По ходу дела дяде Васе понадобился сотрудник женского пола. Потому что вряд ли пенсионера, хоть и относительно прилично одетого, пустят в салон красоты, в фитнес-клуб и в женскую раздевалку бассейна. То есть пустить-то его пустят, да только дальше секьюрити он не уйдет. Начнут спрашивать – чего хотите да кого ищете, в общем, никакой разведывательной работы не получится. Это во-первых. А во-вторых, на какую временную должность может устроиться дядя Вася, чтобы поразведать обстановку в офисе или в доме? Правильно, только наняться в сторожа или в сантехники. Ну, на крайний случай дворником можно, так и то там сейчас в основном прищельцы из Средней Азии и прочего ближнего зарубежья трудятся, а он на них не похож.

Женщина в этом случае гораздо перспективнее. Мы, женщины, везде требуемся. И кем я только за это время не работала – секретаршей, бухгалтером, офисы убирала, дворы мела, няней при собачке состояла, горничной опять же в богатом доме, продавщицей в цветочном магазине, официанткой в кафе, барменшей, киоскером... И все ненадолго – выясню, что нужно, и увольняюсь... А то и просто так ухожу, по-тихому... Дядя Вася иногда посмеивается – ты, говорит, тезка, несерьезный человек, неотчетливый, скачешь туда-сюда, раньше в советское время таких людей летунами называли...

Но шутки шутками, а постепенно понял мой партнер, что без меня ему не обойтись. И хоть ворчит он на меня часто, а все же к оперативной работе привлекает. И вот, скажите, пожалуйста, какой нормальный кадровик возьмет на должность уборщицы молодую женщину, привлекательную и одетую пусть и не слишком дорого, но по моде и со вкусом? Сразу же у человека возникнут подозрения – либо девица пьет, либо колется, либо паспорт не в порядке... А вот если увидит он перед собой чучело в балахоне болотного цвета, волосики прилизанные, взгляд затравленный, возраст неопределенный, то не возникнет никаких подозрений. Сразу

человек понимает, что перед ним – женщина с трудной судьбой, самое ей место в уборщицах, на большее ни сил, ни умения уже нету... Тут главное – из образа не выйти.

Вот именно по этой причине с некоторых пор я взяла себе за правило выискивать кое-какие нужные вещички в секунд-хенде и прибирать их в свою личную коллекцию. Как говорит тот же дядя Вася – запас карман не тянет!

На этот раз мы, посоветовавшись, решили, что дяде Васе идти в квартиру Пелагеи Петровны никак нельзя. Потому что имеются серьезные подозрения, что похитители многое про их семью знают. Об этом говорит тот факт, что записку подбросили в квартиру, стало быть, злоумышленники прекрасно осведомлены, где их жертва живет. И еще: пятнадцать тысяч. Не бог весть какая сумма, любой родитель за ребенка и больше отдаст. Да вот у Пелагеи Петровны больше-то нету... Неоткуда ей больше взять. Стало быть, похитители Сережи знают, что сейчас родители его в отъезде и живет он вдвоем с бедной родственницей.

И вполне возможно, за Пелагеей Петровной наблюдают. И если увидят дядю Васю, то заподозрят, что в дело вмешалась милиция. Хотя он сейчас и не похож на мента, но мужчина всегда подозрителен. Я в том смысле, что Пелагея Петровна – старая дева, и если вдруг появится возле нее личность мужского пола, весь дом от любопытства умрет. Людям-то ведь до всего есть дело...

Короче, мы решили, что с Пелагеей пойду я. Она всем встречным представит меня как свою троюродную племянницу. Живу я в деревне Подлипки Новгородской области. Или, наоборот, в поселке Елкино Псковской области. В конце концов, это совершенно неважно, а важно прикинуться мне такой дурой, с которой милицию и частных детективов никак не свяжут.

Сказано – сделано! Я мигом смоталась домой и переоделась, оставила Бонни на попечение дяди Васи, и мы пошли с Пелагеей под ручку, мило беседуя. В другой руке у меня была клетчатая сумка «Мечта оккупанта», набитая старыми газетами. Это чтобы всякий видел, что человек с дороги.

Подъезд тоже ничем не потряс – обычная железная дверь кирпичного цвета, домофон как у всех. Однако сбоку, возле почтовых ящиков, была отгорожена стеклянная будочка, где находилась консьержка – толстая тетка с сонными глазами. При виде нас она слегка оживилась и высунулась из окошка.

– Родственницу в гости пригласили, Пелагея Петровна? – приторным голосом спросила она.

– Племянница моя, из Великих Лук, – ответила Пелагея, – вот приехала погостить ненадолго...

– Ага... – протянула консьержка.

Очень выразительное было это «ага». Тебя саму, говорила тетка этим «ага», взяли в дом из милости, поселили на всем готовом, денег оставили, продуктов полный холодильник набили. Сидела бы тихо и благодарила, а ты еще и эту дуру притащила, на готовенькое-то! Понаехали!

– Здравсти! – гаркнула я.

Тетка скривилась и захлопнула окошко, а мы поехали на лифте на восьмой этаж.

Я вошла в квартиру и, как учил дядя Вася, внимательно огляделась. Первое впечатление не самое верное, говорил он, но все же не следует им пренебрегать. То есть если подходить к делу серьезно, то следует начать с входной двери. Но в этой двери не было ничего интересного – обычная железная дверь, как у всех. Кстати, довольно потертая, не вчера установленная.

– Ноги, пожалуйста, вытирайте! – строго сказала Пелагея Петровна в прихожей.

Я пошаркала ногами по здорово вытертому плетенному коврику. В прихожей были вешалка, галошница, столик с телефоном и стул с продавленным сиденьем.

– Тапочки возьмите! – Пелагея протянула мне разношенные безразмерные тапки.

Ненавижу обувать чужие тапки! Дома для гостей держу две пары новых. Или уж пускаю просто так. Сейчас же все-таки лето, грязи особой нету...

Я наклонилась, чтобы расстегнуть босоножки, и заметила, что ножки у столика и стула буквально изгрызены.

– У вас собака? – оживилась я.

– Кажется, была у Сережи такса, она в прошлом году под машину попала... – неуверенно ответила Пелагея Петровна. – Он очень переживал, собачке лет пять всего было...

– Что ж нового щенка не завели?

– Аня хотела, да вот муж ее новый против...

– Она давно замуж вышла?

– Прошлой осенью он к ним переехал, а уж сколько до этого они знакомы, понятия не имею...

За такой приятной беседой мы перемещались по квартире. Свой нос я совала повсюду.

Квартира была трехкомнатной, обычной планировки – спальня, детская и гостиная. Во всех комнатах все было потертое, выцветшее и далеко не новое – мебель, обои, ковры, занавески. Еще не полное запустение, но квартира давно требовала хотя бы косметического ремонта и обновления. Единственным новым предметом в спальне была двуспальная кровать. Ну, понятно.

В детской валялись роликовые коньки, компьютерные диски, коробки от видеоигр, комиксы и какие-то железки. На шкафу стояла модель самолета.

– Пыталась заставить Сережу убрать, но потерпела неудачу, – сказала с порога Пелагея Петровна, – вообще, он очень трудно поддается воспитанию...

Я себе представила, как она стоит над душой у парня и зудит своим скрипучим голосом. Хорошего мало!

– С отцом он отношения поддерживает? – спросила я.

– Насколько я знаю, нет, – Пелагея поджала губы. – Аня с его отцом развелась лет семь назад, как раз когда в эту квартиру они въехали. Он при разводе так и сказал: вот вам квартира со всей обстановкой, а меня оставьте в покое. И уехал в Москву.

– Вот как... – протянула я, – что ж, встречаются такие люди...

Стало быть, думала я, жили мать с сыном небогато. Об этом говорит состояние квартиры. Как семь лет назад ремонт сделали, так с тех пор и не трогали ничего. Уж не знаю, какая там кошка пробежала между этой Аней и ее первым мужем, но все же выбросить из своей жизни собственного сына не каждый сможет. И со вторым муженьком, думаю, Ане тоже не слишком повезло.

Мужик почти год в квартире живет, а вон, карниз в гостиной укрепить не может, занавески провисают, как паруса в штиль. Из мебели купил одну кровать, для себя. Что-то мне подсказывает, долго жить здесь этот новый муж не собирается. Опять же мальчишку на море не взяли, тоже не слишком красивый факт.

Я несколько приуныла, потому что рассказать дяде Васе было совершенно нечего. Ничего я не узнала, придется уходить несолоно хлебавши.

– Чаю не хотите? – спросила Пелагея Петровна.

– Не откажусь, – я согласилась от полной безысходности.

К чаю в этом доме подавались простые сушки и колотый сахар. Ну, в общем-то, я сюда не чай распивать пришла... Но все же неужели она и мальчишку так кормит?

Я отхлебнула жидкого чаю, и в это время раздался звонок в дверь. Пелагея Петровна вскочила с места так резко, что опрокинула чашку. Мы понеслись к двери одновременно и столкнулись лбами. Я все же успела первая и посмотрела в глазок. На площадке никого не было.

– Кто там? – севшим голосом спросила Пелагея Петровна.

Разумеется, никто не ответил. Она оглянулась на меня и дрожащими руками отперла замки. На коврике лежал листок бумаги в клеточку. Я коршуном бросилась на него и развернула.

– «Если хотите получить ребенка живым положите деньги в оранжевый грузовик и отнесите его на пустырь за гаражами в 19.00», – прочитала я вслух.

Вот именно так и было написано – «оранжевый», и без единой запятой...

Пелагея Петровна схватилась за сердце и осела в прихожей на пол.

– Тихо-тихо, успокойтесь! – я уже протягивала ей стакан с водой. – Пока они не получат денег, с Сережей ничего не случится. Так что там с грузовиком?

Опираясь на мою руку, Пелагея дотащилась до детской и выкопала из-под груды игрушек оранжевый пластмассовый грузовичок. Затем показала мне деньги в конверте, на котором был нарисован заяц, собирающий маргаритки.

– Что я скажу Ане? – бормотала она. – Вдруг она позвонит?

– Ничего не говорите пока, – велела я, – я надеюсь, к вечеру все разъяснится.

– Дай-то Бог...

Я посоветовала ей напиться валерьянки и отдохнуть до вечера. Встречу на пустыре назначили на восемнадцать сорок пять.

Обойдя гаражи, дядя Вася оказался на небольшом пустыре, заросшем пыльной пожелтевшей травой. С одной стороны пустырь был огорожен забором, с другой – кирпичной стеной крайнего гаража, с третьей росло несколько чахлых кустов сирени.

Здесь-то, за этими кустами, Василий Макарович и решил устроить свой наблюдательный пункт.

На дело Василий Макарович решил взять с собой Бонни, все же собака, да не просто собака, а бордоский дог больше восьмидесяти килограммов весом! Надежный напарник, одним своим видом похитителей напугает!

Они с Бонни устроились среди кустов, и дядя Вася подал сигнал Пелагее Петровне.

Заслуженная учительница с тяжелым вздохом положила конверт с деньгами в кузов игрушечного грузовика и, как велел похититель, отправилась прочь с пустыря, то и дело с сожалением оглядываясь.

Дядя Вася приготовился к длительному ожиданию.

Для него это занятие было вполне привычным – за годы работы в милиции он провел в засадах в общей сложности, наверное, несколько месяцев. Но вот Бонни от природы отличался непоседливым характером, и долго сохранять неподвижность для него было настоящим мучением. Через несколько минут ожидания он начал скулить, переступать с лапы на лапу и жалобно поглядывать на дядю Васю.

– Сиди тихо! – прикрикнул на него Василий Макарович. – Ты же не фокстерьер какой-нибудь, а солидная собака, к тому же сотрудник детективного агентства!

Бонни громко вздохнул, сглотнул слюну и лег на землю.

В это время на пустыре показалась кошка. Кошка была грязная, трехцветная и наглая – из тех, которые проводят свою жизнь на помойках и ценят свободу и независимость гораздо выше, чем банку «Вискаса» или блюдце с теплым молоком.

Бонни подскочил, как подброшенный пружиной, и зарычал.

– Место! – зашипел на него дядя Вася, крепко ухватившись за ошейник. – Сиди тихо! Ты мне обещал вести себя прилично!

Бонни виновато взглянул на хозяина и заскулил – мол, насчет кошки мы не договаривались!

– Уволю! – пригрозил Василий Макарович.

При своих огромных размерах и свободолюбивом характере Бонни безгранично уважал дядю Васю и признавал его непререкаемый авторитет.

Кошка села в нескольких метрах от кустов и нахально принялась умыться. Бонни от такой наглости застонал, однако снова лег на землю и прикрыл глаза лапой, чтобы не видеть наглое создание.

К счастью, кошке скоро надоело впустую провоцировать Бонни, и она отправилась по своим кошачьим делам. Подойдя к забору, бросила последний взгляд в сторону кустов и юркнула в дырку между досками.

Дядя Вася взглянул на часы.

Они провели в засаде уже полчаса, но похититель все еще не появлялся.

Бонни снова беспокоился и жалобными взглядами попытался дать понять хозяину, что ему срочно нужно прогуляться до ближайшей стенки, чтобы поднять лапу.

– Не выдумывай! – прикрикнул на него дядя Вася. – Я тебя утром собственноручно выгуливал!

«Так то было утром! – ответил Бонни выразительным взглядом. – А сейчас уже...»

Закончить он не успел, потому что со стороны пустыря донеслись какие-то подозрительные звуки. Это было то ли гудение, то ли жужжание огромного насекомого...

Дядя Вася насторожился, протер глаза, внимательно оглядел пустырь...

На пустыре по-прежнему никого не было, но игрушечный грузовик с деньгами немного переместился.

– Что за черт... – пробормотал Василий Макарович, вглядываясь в машину. – Ничего не понимаю!..

Грузовик снова двинулся, затем повернулся вокруг своей оси и вдруг стремительно покатился к забору.

– Да что же это такое! – воскликнул дядя Вася, выскочив из кустов. – Да как же это! Да что же это происходит!

Оранжевый грузовик набрал скорость и неся к забору, подпрыгивая на ухабах. Вместе с грузовиком уезжали деньги заказчицы, за безопасность которых дядя Вася поручился.

Только теперь до него дошло, что машинка была не простая, а радиоуправляемая.

Частный детектив мчался следом за игрушечной машиной, и расстояние между ними быстро сокращалось.

Бонни какое-то время удивленно следил за хозяином, не трогаясь с места: ведь дядя Вася только что строго-настрого запретил ему бегать за кошкой, а сам теперь гоняется за какой-то игрушкой!

Наконец пес решил, что прежний приказ дяди Васи утратил силу, и тоже включился в погоню.

Дядя Вася почти догнал машину, ему оставалось сделать еще один шаг и протянуть руку... но в это время оранжевый грузовичок подкатил к забору и нырнул в дыру – в ту самую, куда несколько минут назад скрылась нахальная кошка...

Василий Макарович с разбегу налетел на забор, набил себе шишку и произнес несколько слов, которые явно не одобрила бы Василиса.

– Ну вот, упустили! – выдохнул он с раздражением. – Что теперь делать?

Бонни подбежал следом за ним, но, в отличие от хозяина, не впал в депрессию, а сунулся носом в злополучную дырку.

– Да что ты, Бонни, – махнул рукой невезучий детектив. – Разве ты в такую дырку пролезешь? Туда кошка-то еле протиснулась!

При упоминании кошки Бонни издал боевой рык и принялся рыть землю под забором обеими лапами. Прошло всего несколько секунд, и огромное золотистое создание протисну-

лось под забором и скрылось по другую его сторону. Дядя Вася проводил его удивленным и восхищенным взглядом.

И почти сразу из-за забора донесся истошный вопль.

– Кажется, Бонни превысил свои полномочия! – озабоченно проговорил Василий Макарович и припустился вдоль забора, чтобы найти проход на другую сторону.

Никакого прохода в заборе не было, но вскоре сам забор кончился, дядя Вася обогнул его и побежал в обратную сторону – к тому лазу, через который недавно проехала машинка с деньгами и следом за ней пробрался Бонни.

Вскоре он увидел перед собой то ли сарай, то ли строительную бытовку, перед которой в непринуженной позе сидел Бонни.

– Бонни, ты тут чего делаешь? – осведомился Василий Макарович, переведя дыхание.

Пес выразительно мотнул головой, показав на крышу бытовки: мол, пока некоторые тут неизвестно где прохлаждаются, я успешно произвел задержание подозреваемого! Кроме того, я спас деньги заказчика! – и Бонни показал лапой на оранжевый грузовичок, который стоял под самой стеной бытовки. Конверт Пелагеи Петровны лежал на прежнем месте – в кузове игрушечного автомобиля.

Дядя Вася задрал голову.

С крыши донесся неясный шорох, возня, потом оттуда скатился камень.

– Ага, – проговорил Василий Макарович. – Здесь они, голубчики! А ну, слезайте живо! Вы окружены!

Звуки на крыше затихли, но никто не спешил сдаваться.

– Ну, смотрите у меня! – Дядя Вася огляделся по сторонам и увидел около забора складную лестницу, оставленную там строителями. Он подтащил к бытовке лестницу, раздвинул ее, прислонил к стене и полез на крышу.

Возраст давал о себе знать, кроме того, он только что совершил пробежку вдоль забора и еще не отдышался, поэтому карабкался по лестнице довольно медленно. Впрочем, он не сомневался, что злоумышленники все равно никуда не денутся, так что можно не особенно спешить.

Наконец он вскарабкался до самого верха лестницы и заглянул на крышу.

И первое, что он там увидел, был направленный прямо ему в лицо ствол пистолета.

За долгие годы работы в милиции ему не раз приходилось оказываться на мушке, но к такому ощущению привыкнуть нельзя. Кроме того, раньше в самой опасной ситуации Василий Макарович чувствовал за своей спиной поддержку товарищей, да и сам он был вооружен. Теперь же он находился один (если не считать Бонни) и без оружия. Поэтому при виде направленного в его голову ствола страх невольно закрался в сердце опытного детектива.

– Ты это, того, не дури! – проговорил Василий Макарович неуверенно, слегка заикаясь. – Не усугубляй свое положение! Оно и так не очень-то, а если ты меня ранишь или того...

Черный ствол приковывал к себе его взгляд, но дядя Вася переборол свой страх и попытался разглядеть злоумышленника. Однако разглядел только черную трикотажную шапочку с прорезями для глаз.

– Ты того, лучше сдавайся! – проговорил частный детектив, стараясь не выдать свою растерянность. – Сдавайся добровольно, а то...

Он не договорил, потому что лестница под ним закачалась.

Дядя Вася скосил глаза вниз и увидел Бонни, карабкающегося за ним по ступенькам. Храбрый пес не смог оставить хозяина без поддержки и полез за ним на крышу.

– Бонни, не надо! – воскликнул Василий Макарович и ухватился за ошейник, чтобы не выпустить Бонни на линию огня. Но тот рванулся вперед, и огромная клыкастая морда показалась над краем крыши.

В то же мгновение ствол пистолета качнулся, палец преступника нажал на спусковой крючок...

Дядя Вася ожидал услышать грохот выстрела, увидеть вырывающееся из ствола пламя, но вместо пули и порохового дыма из ствола вырвалась какая-то струя и хлестнула Василия Макаровича по глазам. От неожиданности частный детектив зажмурился, рядом с ним раздался обиженный лай...

В следующую секунду дядя Вася открыл глаза и увидел две фигуры, сползающие с другого края крыши.

Бонни пытался вскарабкаться на бытовку, но детектив все еще держал его за ошейник. Когда они вместе выбрались на крышу и подбежали к ее противоположной стороне, злоумышленников и след простыл.

– Ну вот, упустили! – проговорил Василий Макарович, повернувшись к Бонни... и едва устоял на ногах: вместо грозного, но хорошо знакомого золотисто-песочного пса перед ним стояло какое-то ярко-зеленое клыкастое чудовище.

– Мама! – проговорил дядя Вася, отступая, и остановился только возле самого края крыши.

Но поведение зеленого монстра было не менее странным: он поджал хвост, мелко задрожал и попятился, испуганно глядя на дядю Васю.

– Ты чего? – проговорил детектив. – Это же я... ты меня что – не узнаешь?

Бонни смотрел на него с недоверием.

Дядя Вася машинально провел рукой по своему лицу. Затем взглянул на руку... и все понял.

Рука была того же удивительного ярко-зеленого цвета, что и морда Бонни. И этот цвет живо напомнил дяде Васе его далекое детство, когда мама мазала зеленкой многочисленные ссадины, порезы и ушибы малолетнего Васи Куликова.

Так вот что произошло!

Таинственный похититель вооружился самым обычным водяным пистолетом, но вместо воды в пистолет залил зеленку. Ту самую зеленку, которой заботливые мамы обрабатывают боевые раны своих малолетних чад. Так что теперь и дяди-Васина физиономия, и морда Бонни были ярко-зеленого цвета.

Бонни наконец по запаху узнал своего обожаемого дядю Васю и смотрел на него преданно, ожидая приказаний.

– Ну что, давай, ищи этих злодеев! – скомандовал Василий Макарович. – Хотя, боюсь, их уже и след простыл...

Бонни радостно хрюкнул и одним героическим прыжком перелетел с крыши бытовки на землю примерно в том месте, где слезли злодеи в масках. Обнюхав траву, он взял след и бодро помчался в проход между двумя рядами гаражей.

Дядя Вася, проводив его взглядом, спустился по лестнице и направился в том же направлении.

Через несколько минут он нашел Бонни.

Пес с унылым видом сидел посреди дорожки между гаражами. Он виновато и тоскливо завыл, запрокинув морду.

– Что, потерял след? – проговорил дядя Вася. – Ну, ты себя не очень вини, мы, брат, с тобой в этой истории оба опростоволосились...

– Так что, тезка, придется дальше тебе действовать! – говорил мне через час Василий Макарович, тоскливо разглядывая себя в зеркале. – Потому что мне с таким цветом лица на люди показываться не стоит. Не будет у них ко мне доверия...

– Да уж, – согласилась я, отложив опустевшую бутылку жидкого мыла.

Мы в четыре руки пытались отмыть зеленку, но ничего хорошего из этого не вышло. Дяди-Васино лицо приобрело устойчивый и выразительный цвет малосолевого огурца.

– Так вот, сперва, значит, к ней зайдешь, к клиентке, а потом уже с консержкой поговоришь, – напомнил он мне последовательность действий.

– Да помню, помню! – отмахнулась я и отправилась в дом к Пелагее Петровне.

Заказчица открыла мне дверь раньше, чем я прикоснулась к кнопке звонка. Видимо, она так и сидела в прихожей, в ожидании новостей прислушиваясь к доносящимся с лестницы шагам.

– Где он? – воскликнула она, увидев меня. – Где Сережа? Вы его освободили?

– Пока нет, – честно призналась я. – Но ваши деньги мы возвращаем... – и я протянула ей конверт.

– Возвращаете?! – вскрикнула та в ужасе. – Но это значит... это значит, что Сережи нет в живых! Ведь они написали, что убьют его, если не получат денег!

– Не беспокойтесь! – торопливо проговорила я. – Мало ли что они написали, они просто хотели вас напугать. Пока они не получили денег – Сережа в полной безопасности, так, по крайней мере, считает Василий Макарович...

– А сам-то он где? – еще больше заволновалась клиентка. – Боится показаться мне на глаза?

– Нет! – возразила я. – Василий Макарович пострадал в стычке с похитителями и теперь не может выйти из дома...

Уже проговорив эти слова, я поняла, что только подлила масла в огонь, но слово – не воробей. Пелагея Петровна, конечно, еще больше перепугалась.

– Он ранен? Значит, это очень опасные люди и Сережа не вернется живым!

– Да все будет нормально! – перебила я ее. – А сейчас, чем паниковать и лить слезы, помогите мне в расследовании. Вот что хотел узнать Василий Макарович...

Она взяла себя в руки и приготовилась внимательно слушать мои вопросы.

– С кем ваш Сережа обычно гуляет? – начала я.

Пелагея Петровна задумалась.

– С Петей Сковородниковым... – начала она. – С Колей Пустышкиным и еще с Васей Наклейкиным. Еще к нему часто заходили Леша Димочкин и Дима Ложкин, но они сейчас уехали с родителями на курорт...

– Значит, остаются Петя, Коля и Вася... – проговорила я, записав имена Сережиных друзей в блокнот.

От Пелагеи Петровны я отправилась на первый этаж, к консержке.

Та сидела в своей стеклянной будке, как рыба в аквариуме, и разгадывала кроссворд.

– Португепя! – сказала я, заглянув ей через плечо.

Она вздрогнула, отбросила газету и повернулась ко мне:

– Какая португепя? Где португепя? Почему португепя?

– Слово из восьми букв по вертикали. А вообще, нехорошо на посту кроссворды разгадывать.

– А что мне прикажешь делать? – окрысилась тетка. – Круглые сутки тут сижу без сна и отдыха...

– Бдительно наблюдать за входящими и выходящими!

– А ты сама-то кто такая? – консержка подозрительно уставилась на меня поверх очков. – Что-то мне твоя личность знакома!

Я невольно восхитилась. Все-таки у тетки не глаз, а ватерпас! Видела меня утром в жутком прикиде, с зализанными волосиками, и все-таки запомнила. Нет, все не так просто с этой консержкой.

– Кто я такая – это не всякому знать положено, – отрезала я. – А где положено – там знают. И, между прочим, там надеются на вашу помощь и сотрудничество. Вы ведь раньше во вневедомственной охране служили, на вахте сидели на режимном предприятии?

– Так точно! – отчеканила консьержка, приосанившись. – Двадцать лет как один день с пистолетом на боку! И за все время ни одного нарекания, а только четыре благодарности в приказе!

– Очень хорошо, – одобрила я. – Тогда вы тот, кто нам нужен. Вы окажете нам помощь в важном расследовании...

– В расследовании? – глаза консьержки заблестели. – Это я всегда! Вот к Алле Васильевне со второго этажа регулярно посторонний мужчина ходит, как муж на работу – так он тут...

– Это нас пока не интересует! – остановила я ее. – Мы сейчас заняты другим вопросом.

– Другим? – в голосе консьержки прозвучало сожаление. – А тот мужчина, он, между прочим, брюнет, может быть, лицо кавказской национальности...

– Нас в данный момент интересуют следующие лица: Петр Сквородников, Николай Пустышкин и Василий Наклейкин...

– Какие же это лица? – разочарованно протянула консьержка. – Это же простые мальчишки!

– Возраст не играет роли! – строго возразила я. – Знаете, как говорят – мал золотник, да дорог... в смысле опасен! Это с виду они простые мальчишки, а на самом деле...

– А на самом деле?.. – зачарованно повторила за мной консьержка. – Кто же они такие на самом-то деле?

– Не могу вам больше ничего сказать! Я и так уже сказала слишком много!

– Понятно... – кивнула консьержка. – Значит, записывайте. Петя, который Сквородников, – он в этом подъезде живет, в семнадцатой квартире. Хулиган.

– Хулиган? – переспросила я.

– Ну да. Дверью вечно хлопает, а если я ему замечание делаю – иностранными словами обзывается: ктулхой и носфератой.

– Ясно! – я сделала в блокноте пометку. – А остальные двое?

– Те-то, Коля с Васей, они из других подъездов, но к нам часто заходят. Приятели у них здесь. Коля Пустышкин – тот хороший мальчик, воспитанный. Всегда поздоровается, дверь непременно придержит, чтобы не хлопнула. Вася-то, то есть Наклейкин, – тот не очень-то, вроде Петьки, такой же хулиган...

– И что – последние дни они к вам тоже заходили?

– Коля заходил, а Наклейкин к бабушке уехал, в деревне у него бабушка, под Псковом... Я всегда удивлялась тому, как много знают консьержки.

Вроде бы никуда не уходят, сидят у себя в подъезде, носки вяжут или кроссворды разгадывают – а при этом полностью в курсе всех дел, не только в своем доме, но и во всем микрорайоне: кто развелся, кто женился, у кого в семье прибавление, а у кого сына в армию призвали. Поэтому дядя Вася и велел мне поговорить с консьержкой – уж она-то наверняка все про всех знает!

– А как у них в семьях дела обстоят? – продолжила я расспросы. – Полные семьи? И папа, и мама имеются?

– Имеются, имеются! – закивала консьержка. – Только у Коли отец временный – то он есть, то его нету. Все равно как свет в нашем подъезде – то потухнет, то погаснет...

– Это как? – спросила я удивленно.

– А так – два месяца он дома сидит, а два месяца на каком-то перроне работает...

– На перроне?! – переспросила я. – Он что – железнодорожник?

– Зачем железнодорожник? Нефтяник он!

– Нефтяник? Тогда, может быть, не на перроне, а на нефтяной платформе?

– Во-во, на платформе! На нефтяной платформе в самой Африке! Какая только разница – на перроне или на платформе? По мне, так хоть на полустанке! Главное дело, что деньги он получает несусветные. И мало того, когда не работает, дома сидит, – такие же деньги ему идут! Он дома спит или, к примеру, полку на кухне приколачивает – а ему страшные тыщи капаят. Вот умеют же некоторые так устроиться!.. А тут сидишь круглые сутки в этой стеклянной коробке, бдишь, как собака сторожевая, – и все за копейки!..

– Ну, я смотрю, вы не очень-то бдите! – Я выразительно взглянула на газету с кроссвордом, но моя собеседница сделала вид, что не поняла намека.

Прежде чем уйти, я задала последний вопрос из дяди-Васинового списка:

– А вы случайно не знаете, у этих... Пустышкиных и Сковородкиных, у них гаражей нету?

– У Сковородкиных? – переспросила тетка. – Это какие такие Сковородкины? Не знаю никаких Сковородкиных! Нету в этом доме никаких Сковородкиных и в соседних тоже!

– Ну как же! Вы только что про мальчика Петю говорили, который иностранными словами обзывается!

– Так это никакие не Сковородкины, а Сковородниковы! И гаража у этих Сковородниковых нету, зачем им гараж? У них и машины-то нет. У них из транспорта только Петькин велосипед и хозяйственная сумка на колесиках, с которой в магазин ходят...

– А у Пустышкиных? У них-то машина наверняка имеется!

– А как же, – консьержка кивнула. – У Пустышкиных, у них целых две машины. У отца Колиного, который на перроне работает... тьфу, то есть на платформе... у него такая здоровенная машина, прямо как автобус похоронный, и тоже черная. Джип называется. А у мамыши – своя машинка, маленькая такая, зеленая. Это зачем же людям целых две машины? *Нашим* людям две машины без надобности!

– А гараж? – не сдавалась я. – Гараж у них есть?

– И гараж есть, – солидно кивнула тетка. – Хороший такой гараж, кирпичный, прямо как дом. Только мать Колькина свою машину туда не ставит, она ее на стоянке держит около дома, говорит, ей так удобнее. А в гараже этот... джип похоронный стоит, пока сам хозяин в Африке своей загорает...

Я подробно расспросила консьержку про расположение гаража Пустышкиных и только после этого отправилась домой к дяде Васе.

Мой шеф стоял в прихожей перед зеркалом и мрачно разглядывал свое лицо. За время моего отсутствия лицо его не претерпело заметных изменений и подходило только для того, чтобы играть живого мертвеца в каком-нибудь малобюджетном фильме ужасов.

У ног дяди Васи расположился Бонни.

Он тоже был разукрашен зеленкой, но не очень по этому поводу огорчился.

Я пересказала Василию Макаровичу все, что удалось узнать у консьержки.

Он неохотно оторвался от созерцания своего лица и прошествовал в кухню. Там налил себе чашку чаю, достал из буфета сухарь с маком, обмакнул его в чай и только тогда заговорил:

– Теперь понятно, как к Пелагее Петровне попадали записки от похитителей и почему никто не видел того, кто эти записки приносил. Ну что ж, тезка, считай, что мы с тобой это дело раскрыли...

Я так не считала, мне еще многое было непонятно, но я не стала задавать никаких вопросов, чтобы не ударить в грязь лицом перед Василием Макаровичем. Он и без того то и дело дает мне понять, что детектив в нашем агентстве только он, а я – так, девочка на побегушках!

– Но главная-то наша задача еще не выполнена, Сережу мы еще не нашли, не вырвали его из рук похитителей!

– Не вырвали, – дядя Вася отчего-то усмехнулся. – Ну, как раз сейчас мы и пойдем на дело... вырывать его из этих самых рук. Пойдем, Бонни?

Бонни радостно заурчал – он обожает, когда его берут на дело!

– Но как же, дядя Вася! – проговорила я с сомнением. – Вы в таком виде не хотели выходить из дома, чтобы не пугать окружающих. А уж Бонни сейчас вообще страшнее собаки Баскервильей...

– Как раз сейчас это нам очень поможет, – дядя Вася выглянул в окно. – На улице уже темнеет, и пойдем мы огородами, так что пугать прохожих мы не станем, а то, что нас с такими мордами увидят похитители, – это даже хорошо... в воспитательном смысле!

Короче говоря, через сорок минут мы уже пробирались в сгущающихся сумерках мимо того самого забора, где минувшим утром разыгралась история с оранжевым грузовиком.

Обойдя забор, мы миновали ту бытовку, при штурме которой дядя Вася и Бонни были обстреляны зеленкой. Бонни покосился на бытовку и сердито зарычал.

– Тише, Бонечка, тише! – проговорила я вполголоса. – Мы не должны выдать себя раньше времени!

Дядя Вася промолчал. Видимо, он разделял переполнявшие Бонни чувства.

Обойдя бытовку, мы углубились в тот проход между гаражами, куда утром скрылись злоумышленники. Бонни выглядел очень возбужденным, короткая золотистая шерсть у него на загривке поднялась дыбом.

Наконец мы подошли к тому месту, где, по описанию консьержки, находился гараж семьи Пустышкиных.

– Ага! – проговорил дядя Вася и выразительно переглянулся с Бонни. – Вот как раз поблизости от этого гаража мы утром и потеряли след! Так что все сходится!

Он оглядел основательный кирпичный гараж, вполне соответствующий описанию консьержки, и скомандовал:

– Бонни, заходи сзади – там наверняка есть какой-то лаз! А мы с тобой, тезка, пойдем через главный вход.

Бонни зарычал и скрылся в высокой траве сбоку от гаража, а мы с дядей Васей подошли к гаражным воротам.

– Думаете, похитители здесь держат Сережу? – проговорила я с сомнением в голосе.

– Думаю, тут они все! – подтвердил мой шеф.

Он прильнул ухом к железным воротам, прислушался. Потом кивнул мне и сделал знак рукой, чтобы я держалась у него за спиной.

В первый момент я хотела возмутиться – что это он относится ко мне, как к кисейной барышне! Я такой же детектив и оперативник, как он, и не собираюсь прятаться за его спину!

Но затем вспомнила выстрел из водяного пистолета, вспомнила дяди-Васино зеленое лицо и послушно отступила назад. Одно дело – огнестрельное ранение, пусть даже и очень опасное, и совсем другое – получить на пару недель жуткий зеленый цвет лица!

Дядя Вася осторожно подергал за створку ворот. Она не поддавалась.

Тогда он огляделся, нашел в траве какую-то гнилую доску, обмотал ее пучком травы и поджег.

От этого самодельного факела пошел густой вонючий дым. Дядя Вася закашлялся, вытянул руку как можно дальше вперед и поднес факел к гаражным воротам. Видимо, там был сквозняк, потому что дым затянуло в щель между створками ворот.

Почти тут же из гаража донеслись истошные вопли:

– Горим! Пожар! Полундра!

В следующий момент грохнул засов, створка ворот приоткрылась, и на пороге появился мальчишка лет десяти со слезящимися от дыма глазами. Увидев перед собой дяди-Васино зеленое лицо, он в ужасе взвизгнул:

– Носферату! Живой покойник! – и бросился обратно в гараж.

Василий Макарович метнулся за ним и, прежде чем мальчишка успел закрыть ворота, схватил злоумышленника за шкирку:

– Стой, Колька, не уйдешь!

Тот пытался вырваться, визжал, но дядя Вася держал его крепко. Тогда малолетний преступник крикнул в глубину гаража:

– Серый, линияй! Делай ноги!

К этому времени я вслед за дядей Васей протиснулась в гараж, и мои глаза привыкли к царящей внутри полутьме.

Я разглядела большой черный джип, а за ним, возле задней стенки гаража – уютный закуток, пару складных стульев и маленький столик, на котором стоял термос и валялся кулек с конфетами. Возле этого столика стоял испуганный мальчишка с огненно-рыжими волосами и густо посыпанным веснушками лицом. Услышав Колькин крик, он согнулся пополам, метнулся к задней стене гаража и хотел юркнуть в какой-то неприметный лаз, как вдруг оттуда навстречу ему высунулась огромная жуткая морда ужасного желто-зеленого цвета с оскаленными клыками...

– Мама! – завопил мальчишка и стремглав бросился в обратную сторону, то есть прямо к нам.

На этот раз я была наготове и схватила его возле самых гаражных ворот. Тут я как следует разглядела его и убедилась, что это не кто иной, как Сережа, племянник нашей заказчицы Пелагеи Петровны. Сережа, чье похищение мы с дядей Васей расследовали.

– Куда же ты убегаешь? – спросила я его. – Мы же пришли спасти тебя от похитителей!

Рыжий мальчишка ничего не ответил, только громко шмыгнул носом.

– Что ж ты, Серый! – укоризненно проговорил Колька. – Струсил?

– Какой он Серый? – дядя Вася с живейшим интересом разглядывал мальчишек. – Он же рыжий!

– А ты не струсил? – огрызнулся рыжий. – Сам закричал: «Носферату! Живой покойник!»

– Дядя Вася, – обратилась я к своему шефу. – А где же второй похититель? Ведь вы на крыше бытовки видели двоих?

– Да вот же он – второй! – Василий Макарович показал на понурившегося Сережу.

– То есть он... сам себя? – наконец догадалась я.

– Ну да, сам себя похитил! – подтвердил дядя Вася. – А все дело в игровой приставке «FX-200»...

– «CX-200»! – поправил его Сережа и тут же спохватился: – Ой! А откуда вы знаете?

– Я же детектив! – солидно ответил дядя Вася. – Пользуюсь дедукцией и современными методами расследования...

– Настоящий детектив! – с уважением повторил мальчишка. – Круто! И собака у вас настоящая служебно-разыскная?

– А как же! – Дядя Вася повернулся к Бонни и приказал: – Ко мне!

– Не надо! – пискнул Колька. – Уж больно он у вас страшный!

– Ну ладно, только тогда все мне подробно расскажете! – согласился дядя Вася и сделал Бонни знак остаться на прежнем месте. – И чтобы не врать, Бонни у нас вранье очень не любит и чувствует его лучше всякого детектора!

И Сережа начал рассказ, то и дело опасливо поглядывая на Бонни, чтобы проверить его реакцию.

– Все это из-за Пелагеи! – проговорил он, снова громко шмыгнув носом. – Она такая зануда! Прямо настоящая училка! Вечно над душой стоит и только приговаривает – это нельзя, то не смей, так не делают...

– Пелагея, говоришь? А как же насчет игровой приставки? – строго спросил дядя Вася и незаметно сделал Бонни.

Понятливый пес грозно зарычал и придвинулся поближе к мальчишке.

– Ой! – вскрикнул тот. – Ну да, и приставка, конечно... она такая крутая! Я о ней давно мечтал... но Пелагея все-таки зануда! – выпалив эти слова, он покосился на Бонни. Тот молчал и не двигался с места, так что мальчишка продолжил: – Ну, а я знал, что мама Пелагее оставила как раз пятнадцать тысяч. Почти хватает на приставку, двести рублей Пелагея своих бы добавила... ну, мы с Колькой и придумали...

– Чья была идея? – строго осведомился Василий Макарович. – Только чтобы не врать, а то сам знаешь... – и он выразительно взглянул на Бонни.

Бонни вошел в роль: он сделал зверскую морду, оскалил клыки и зарычал.

Сережа придвинулся поближе к дяде Васе и продолжил:

– Вообще-то я это по телевизору видел. Один пацан в Америке сам себя похитил, только он миллион долларов потребовал. Правда, его полиция поймала, когда он выкуп забирал. Ну, мы с Колькой это обсудили и решили, что, если не очень много запросить да припугнуть как следует, Пелагея в милицию не пойдет, и все обойдется... а главное, мы эту хохму с грузовиком придумали...

– А записки кто передавал?

– Это мы Петьку Сквородникова попросили... – ответил Сережа, опустив глаза. – Он в моем подъезде живет, сказал матери, что вышел за газетой, и положил перед дверью... он вообще-то про похищение ничего не знал!

– Теперь понятно, почему никто не видел курьера похитителей! – проговорил дядя Вася. – Потому что он и вправду не входил в подъезд. Он там живет. В общем, ты, человек-невидимка, пойдем домой, Пелагея Петровна тебя уже заждалась, места себе не находит! И смотри – чтобы ей не врать, а то ведь ты знаешь, как Бонни к этому относится! И еще... – добавил он, ехидно взглянув на «спасенного». – Приставки этой, как ее там, тебе теперь точно не видать как своих ушей. Потому что деньги эти Пелагея Петровна мне отдаст, за твоё спасение.

Пелагея Петровна открыла дверь, всплеснула руками и попятилась, увидев перед собой зеленое лицо Василия Макаровича.

В следующую секунду она заметила за спиной детектива племянника и бросилась к нему с распростертыми объятиями:

– Сереженька, мальчик мой, как же ты побледнел и похудел! Как осунулся! Тебя там мучили? Обижали? Морили голодом? Ну, ничего, я тебя откормлю, отмою... я приготовлю твои любимые блинчики с творогом... с вишневым вареньем...

– Вообще-то, Пелагея Петровна, – проговорил дядя Вася, деликатно прокашлявшись, – вы его не очень-то поощряйте блинчиками с вареньем. Это ведь он сам свое похищение задумал, на пару с приятелем... так что вы того... проведите с ним воспитательную работу. Вы все-таки заслуженный педагог...

– Что?! – Пелагея отодвинула Сережу и встала перед ним, защищая своей грудью от Василия Макаровича и выдвинутых им обвинений. – Я вам не верю! Мой Сережа на такое не способен! Он хороший, душевный мальчик! Вы на него клеветеете!

– Серый, – дядя Вася повернулся к мальчику. – О чем мы с тобой говорили? Относительно вранья?

Сережа покосился в сторону кухни, откуда доносились восхитительные запахи, затем перевел взгляд на дверь, за которой маячила желто-зеленая морда Бонни, тяжело вздохнул и проговорил:

– Вообще-то, тетя Поля, это правда, мы с Колькой Пустышкиным все придумали. Я очень приставку игровую хотел...

– Что?! Это правда? – Пелагея Петровна снова всплеснула руками. – Как ты мог! Ведь ты знал, что я буду переживать, волноваться... а записки... записки ты тоже сам писал?

– Сам, – признался Сережа, пристально разглядывая узоры паркета.

– Как ты мог! – воскликнула Пелагея Петровна еще более пылко. – Как ты мог перепутать частицы «не» и «ни»? Как ты мог пропустить запятые перед однородными членами предложения! И самое главное – как ты мог написать «оранжавый»!

– Как хорошо, – вздохнула я, вытянув ноги и отхлебнув воды из бутылки.

В бок тут же ткнулось что-то огромное и горячее.

– Ну на, получи! – Я плеснула из бутылки прямо в раскрытую пасть величиной с дорожный саквояж.

Бонни громко сглотнул, разлив воду, и задышал тяжело.

Жара упала на наш город еще в июле, а вот уж и пол-августа прошло, а она все не прекращается. Бонни полегче, чем другим собакам, – он короткошерстный, а каково какому-нибудь косматому бобтейлу или ньюфаундленду?

Я передвинулась подальше от Бонни, от него несло жаром, как от паровозной топки.

– Посидел бы спокойно в тенечке, – сказала я, – нечего носиться, в такую-то жару...

Бонни хмыкнул – посидеть он и дома может, а на прогулке надо общаться. Правда, жара выгнала из города всех: детей, взрослых, собак... Многие собачники гуляют ночью или рано утром. А мы сегодня припозднились, я проспала. На площадке, кроме нас, никого не было, и Бонни приуныл.

Я прикрыла глаза и под чириканье мелких птичек совершенно расслабилась. Думать ни о чем не хотелось, хотелось сидеть в тенечке и грезить о несбыточном. О теплом море, о ласковых волнах, о прохладном ветерке, ласково обдувающим кожу, о ледяном стакане с коктейлем, о яхте с белым парусом и о капитане яхты – загорелом и бородатом блондине. Как в кино, в общем...

Ну и что, имеет же право человек помечтать? Я же не собираюсь про это никому рассказывать! Тем более что и рассказывать-то некому. Вот эта огромная слюнявая мордуленция песочного цвета и бывший милиционер на пенсии – вся моя семья на сегодняшний день. Они-то уж точно меня не поймут.

Снова я окунулась в приятные грезы, которые тут же прервал нетерпеливый звонок мобильного телефона. Ну не дадут человеку спокойно помечтать!

– Василиса! – раздался в трубке запыхавшийся голос дяди Васи. – Дуй скорее сюда, у нас вроде бы клиент нарисовался!

– С чего-то вдруг с утра пораньше?

– Звонил уже, хотел сразу явиться, еле-еле уговорил его часок повременить, – признался дядя Вася, – так что ты давай быстрее, одна нога там, другая здесь! Знаешь же, что без тебя не могу я его принять, это же человек может инфаркт получить от неожиданности, если такое лицо увидит!

– Да ладно вам, – я нехотя встала, – иду уже, не волнуйтесь!

– Быстрее давай!

После того как малолетние паршивцы облили дядю Васю зеленкой, мы перепробовали все. Мыло, гели, скрабы, тоник, спирт, всевозможные растворители. Нельзя сказать, что совсем ничего не помогло. Лицо его стало не ярко-зеленого цвета, а бледноватое. И напоминало, простите, труп недельной давности. Это Василий Макарович сам так сказал, поглядев на себя в зеркало и тяжело вздохнув. Ему, конечно, виднее, при его-то профессии...

– В общем, показываться с такой физией на люди нельзя! – решил дядя Вася. – Люди не поймут! А народ у нас теперь нервный, могут и накоматыть под горячую руку!

– Ну так и посидите недельку дома, – согласилась я, – все равно такая жара стоит – днем носа на улицу не высунуть! А под покровом ночи можете выйти, только под фонарями не гуляйте!

– Издеваешься, да, – расстроился дядя Вася, – у человека несчастье, а ей все хахоньки... Да уж, повезло нам с Бонни, надо было с этой Пелагеи Петровны по тройному тарифу взять...

Ага, как же... Как только Пелагея получила в руки своего ненаглядного Сереженьку, она тут же принялась его пилить и воспитывать. А нам даже тех смехотворно малых денег, что запросил с нее дядя Вася, и то не хотела давать. С трудом с ними рассталась. И сказала на прощанье, что за зеленку она Сережу наказывать не станет, это, мол, дядя Вася сам виноват, что вовремя не увернулся.

– Не зря она мне мою первую учительницу напомнила, – признался дядя Вася, когда Пелагея ушла. – Вот была женщина – ух! До смертного часа ее не забуду!

Парадокс заключался в том, что с Бонниной морды зеленка сошла довольно легко, просто вымыла я его пару раз специальным собачьим шампунем. Правда, потеряла при этом лет пять жизни, но кого это волнует?

Предлагала я этот шампунь дяде Васе, но он почему-то отказался.

Сейчас я убрала телефон в карман и взяла Бонни на поводок. Он замахал хвостом и рванул в сторону нашего дома.

– Бонни, ты куда? – Я изо всех сил потянула поводок. – Нам нужно к дяде Васе...

Угу, попробуйте направить бегемота направо, когда он хочет налево!

– Даже и не думай, – твердо сказала я нахальной морде, – даже и не мечтай об этом!

Не помню, говорила я или нет, но мы с Бонни живем теперь в небольшом двухэтажном доме на четыре квартиры. Одну половину занимает большое семейство – папа, мама, бабушка и двое детей. Они огородили свою часть участка красивой кованой решеткой, замостили двор плиткой, бабушка разбила цветник и даже грядку с клубникой.

С нашей стороны двор отгорожен простой сеткой, и я пыталась посадить там кусты и цветы. Но это чудовище все вытаптывает и выдергивает. Еще он регулярно подрывает землю под сеткой и появляется то у соседей, то на улице. В конце концов сосед со своей стороны залил основание забора бетоном, а мне пришлось посадить колючий шиповник, за что Бонни сильно на меня обижается.

Мы занимаем двухкомнатную квартиру на первом этаже, но сейчас Бонни проводит все время в нашем, с позволения сказать, садике. И перерыл его весь, стараясь добраться до прохладной земли. Если жара не спадет, этот бульдозер скоро дороеется до Австралии.

Квартира на втором этаже долго пустовала – ее хозяин не то находился в длительной командировке, не то жил у жены. Сами понимаете, мы с Бонни такое положение вещей только приветствовали. Но вот неделю назад вдруг приехал микроавтобус с рабочими, и прораб объяснил мне, что квартиру сосед продал и новые хозяева поручили ему сделать полный ремонт.

Начались неприятности. Прежде всего Бонни был очень недоволен, что его матрасик пришлось убрать с лестничной площадки. Рабочие непрерывно ходили взад и вперед, таская свои вещи, инструменты и строительные материалы. В суматохе кто-то наступил догу на лапу, и он в ответ кого-то куснул. Но не того, кто наступил. В результате все имели претензии друг к другу. Бонни – к рабочим, покусанный гастарбайтер – к Бонни, а прораб – ко мне. Теперь одного пса я не могу оставить дома ни на минуту, приходится отводить его к дяде Васе.

Как всякий балованный ребенок, Бонни обожает делать именно то, что ему запрещают. Если раньше он не любил оставаться дома один, начинал выть и биться головой о двери, то теперь он с удовольствием портит жизнь рабочим.

Эффективность его хулиганских поступков колоссальна. За неделю я заплатила за испорченный мешок сухой строительной смеси, разодранный в клочья матрац, расколотый унитаз (Бонни умудрился сбросить коробку с лестницы), два рулона дорожных шелковых обоев (этот негодяй всю ночь откусывал кусочки, жевал их и плевался со второго этажа) и сорванный кран во дворе.

Кран был установлен когда-то по моей просьбе для полива. Бонни на бегу прислонился к нему всей тушей, и вода так хлестала, что пришлось вызывать аварийку.

– Бонни, я скажу дяде Васе, что ты тормозишь работу! – пригрозила я.

И все, пес мгновенно стал шелковым. Не то он побаивается дядю Васю, не то ответственно относится к работе, никак не пойму.

– Ну что так долго, – ворчал дядя Вася, запирая за нами дверь, – время дорого... Бонни, исчезни!

Бонни рыкнул недовольно, но испарился в другую комнату. Думаете, я нужна была дяде Васе для работы? Как бы не так!

Я усадила его поближе к свету и быстрыми движениями стала наносить на лицо тональный крем. Косметика у меня хорошая, зелень с лица успешно убирает.

– Быстрее давай, – сквозь зубы бормотал мой партнер.

– Не учите меня жить! – пропела я. – Глаза подводить будем?

Он поглядел страдальчески, и мне расхотелось издеваться. Я провела еще пуховкой по носу, чтобы не блестел.

– Отлично! Зелени не видно, просто загорелый человек, на море недавно был! Только вы особенно близко к клиенту не подходите, на всякий случай...

И как раз раздался звонок в дверь, и Бонни ответил оглушительным лаем.

– Тише ты! – шикнула я. – Всех клиентов распугаешь!

Я сделала приветливое выражение лица и распахнула дверь не спрашивая.

На пороге стоял мужчина. Откровенно скажу, мужчина вида неказистого. Был он довольно высок, но сутул и лысоват. А там, где остались волосы, они были тусклые и грязно-серого цвета. Одет мужчина был в мятые дешевые джинсы и рубашку навыпуск. На босых ногах – пляжные тапочки.

Мужчина поглядел на меня печальным глазом и сказал тихо:

– Я к детективу Куликову.

– Проходите, пожалуйста! – Я улыбнулась дежурно-любезно, как полагается хорошей секретарше.

Он выпрямился и поглядел на меня сверху отстраненно и печально, ни дать ни взять – верблюд в зоопарке. Потом снова опустил плечи и пошел вперед по коридору, не торопясь и высоко поднимая длинные ноги. Точно, верблюд!

Я шла сзади и думала, что не было клиентов – и это не клиент. Ну, сами посудите, для какого дела этот тип мог бы нанять детектива? Ревнует жену? Подозревает, что она ему изменяет? Да я вас умоляю, судя по всему, жена у него если и есть, то страшнее атомной войны и на нее никто в здравом уме не польстится. Или хочет навести порядок в собственной фирме? Кто-то ворует у него новейшие разработки и продает их конкурентам? Ой, не смешите мои тапочки! Никакой фирмы у него нет и в помине, или я ничего не понимаю в людях! Может, этот верблюд просто квартирой ошибся? Или кошелек у него в трамвае сперли, вот он и хочет с нашей помощью его отыскать...

В комнате, которую Василий Макарович условно считал офисом детективного агентства, мужчина без приглашения упал в кресло. Кресло у дяди Васи с секретом. Так с виду оно приличное, потому что прикрыто ярким полосатым пледом, связанным еще дяди-Васиной покойной женой. Я уже говорила, что женщина она была домовитая и мастерица на все руки, кое-что в квартире еще об этом напоминает.

Так вот, под пледом не видно, что из кресла торчат пружины. Этот тип, похожий на верблюда, плюхнулся в кресло и утонул в нем, выставив вверх мосластые колени.

– Слушаю вас, – солидно сказал дядя Вася, – какое у вас ко мне дело?

Мужчина вздохнул и уставился на стену, где в красивой рамочке висел приказ о том, что Куликов Василий Макарович за долгую и беспорочную службу награждается почетной грамотой городского управления внутренних дел. Он так долго изучал то, что написано в рамочке, что мы с дядей Васей переглянулись. Я покачала головой – странный какой-то тип, явно не наш клиент... Дядя Вася в ответ нахмурился – не суди, мол, строго, всякое в жизни бывает, и первое впечатление о человеке часто не самое верное...

Молчание затянулось, тогда дядя Вася кашлянул вопросительно. Странный тип очнулся от задумчивости и перевел взгляд на окно. Там-то уж точно не было ничего интересного – деревья с пожухлыми от жары листьями и соседний дом.

Снова в комнате установилось молчание. Мне это начало понемногу надоедать. Я снова глянула на дядю Васю. Он едва заметно развел руками – делать нечего, надо ждать...

Тогда я решительно подошла к креслу и помахала перед лицом странного мужчины растопыренной рукой.

– Эй, товарищ? Вы вообще-то живы? Может, вам плохо? Может, вам водички?

– Да, – он поглядел на меня строго и печально, – мне плохо. Мне очень плохо. И маме тоже.

– Так-так, – оживился дядя Вася, – вы, пожалуйста, поподробнее...

«И поживее!» – хотела добавить я, но прикусила язык.

Мужчина поерзал в неудобном кресле, подхватил ногой упавшую тапочку и сказал:

– Меня зовут Иннокентий Семенович Бубликов...

И вздохнул тяжело.

– А паспорт у вас есть? – накинулась я на него. – Имейте в виду, мы принимаем клиентов только при наличии паспорта.

Это дядя Вася ввел такой порядок. Иначе, говорил, можно так нарваться... Впутают в криминал, оглянуться не успеешь!

Так что если у этого типа нет паспорта, я его мигом спроважу! Ну, не нравится он мне, хоть ты тресни!

Но мой план не сработал, потому что наш посетитель запустил руку куда-то назад и после долгих поисков вытащил на свет потрепанную книжечку паспорта. Я выхватила ее и передала дяде Васе, сам он по моему совету к клиенту не приближался, чтобы тот не заметил тонны косметики на его лице.

– И правда, Бубликов... – протянул дядя Вася, – улица Наличная, дом двенадцать... ой, надо же... А вы откуда про наше агентство узнали? Кто сказал?

– Маме Пелагея Петровна сказала, мы с ней в одном подъезде живем! – слегка оживился Бубликов, а я, наоборот, расстроилась, поскольку теперь придется иметь дело с явно неадекватным клиентом.

– Ладненько! – Василий Макарович деловито потер руки. – Так что у вас случилось?

– Проблема моя заключается в том... – начал Бубликов, но дядя Вася перебил его:

– Минуточку! У вас нет проблем, у вас есть задачи! Вернее, клиент перед нами ставит задачу, и мы ее тотчас решаем!

– Задачи? – Клиент посмотрел на нас как-то странно. – Вы так считаете? Признаться, я эту проблему не рассматривал как задачу... Но если таким образом...

Он сделал попытку встать и снова шлепнулся в кресло, причем, надо думать, укололся торчащей пружиной, потому что поморщился. Я сердито глянула на дядю Васю – давно говорила, что надо выбросить это кресло!

Мой партнер малодушно отвел взгляд.

– Послушайте, не мучайтесь, – сказала я и выдернула Бубликова из кресла, – садитесь уж на стул! И изложите ваше дело! Причем сразу приступайте к главному!

– У нас Ирочка пропала... – сказал Бубликов.

– А кто это – Ирочка? – невежливо поинтересовалась я.

– Ирочка – это моя жена, – ответил этот недотепа и вздохнул тяжело и печально.

– Точно! – Дядя Вася пролистнул паспорт. – Зарегистрирован брак с Саловушкиной Ириной Михайловной! В две тысячи восьмом году! Давно она пропала?

– Ушла вчера утром на работу и не вернулась...

Снова мы с дядей Васей переглянулись – может, этот Бубликов не такой уж странный? Просто расстроен человек исчезновением жены...

Бубликов с опаской оглядел стул, потом сел на него с большой осторожностью и начал рассказ.

Они живут с женой и мамой на улице Наличной. Ира работает в фирме, кажется, менеджером. Вчера утром она, как обычно, ушла на работу, вечером они с мамой ждали ее к ужину, она не пришла. Часам к двенадцати они уже сильно волновались, маме стало плохо, он, Бубликов, сидел у ее постели и подавал лекарства. Ира не появилась и утром, он хотел идти в милицию, но встретил на лестнице Пелагею Петровну, она посоветовала частного сыщика. Вас.

– Мобильный телефон есть у вашей жены? – спросил дядя Вася.

Есть, конечно, отвечал Бубликов, он звонил весь вечер, аппарат был выключен.

– Родственники, родители?

– У Иры никого нету, она сирота...

Далее выяснилось, что машину Ира не водит и близких друзей у нее тоже нету. Точнее, может, и есть, но он, муж, про них совершенно ничего не знает.

– Слушайте, а вы вообще с женой как жили? – вмешалась я. – Не ругались? Накануне не поссорились?

– Да мы никогда не ссорились, все втроем очень дружно жили...

– Вот, кстати... – оживилась я, – а какие у вашей жены были отношения со свекровью?

– Хорошие, мама очень любит Иру...

Вот уж во что я никогда не поверю, это в любовь свекрови к невестке! Могут быть, конечно, хорошие отношения, но ни о какой любви не может быть и речи. Это закон природы, такой же непреложный, как смена времен года.

– Значит, не ссорились, с любовником жену не заставляли, из-за потраченных денег скандала не устраивали, утром она спокойно ушла на работу, так? – спросил дядя Вася строго.

Вот вылезает из него иногда милицееское прошлое! Такое чувство, что под протокол говорит.

– В таком случае, Иннокентий Семенович, – дядя Вася заглянул в паспорт, – могу предположить худшее. Жена ваша попала в ДТП...

– Что? – вскинулся Бубликов.

– Шла на работу, попала под машину, находится в больнице без сознания. Вы больницы-моргы обзванивали?

– Что вы такое говорите?... – Бубликов побледнел и растекся по стулу, хотела было я сказать, как фруктовое желе, но, учитывая его мокрые колени, это больше походило на растаявший холодец из свиных или телячьих ножек.

– Выпейте водички... – засуетилась я. – Может, валерьяночки или пустырника?

– Хм... – Дядя Вася глядел непреклонно. – Вы уж простите за прямоту, но больше ничего посоветовать не могу. Здравый смысл подсказывает предполагать только ДТП, или ограбили вашу жену в подъезде, дали по голове, отняли сумочку, а в ней – деньги и мобильный телефон. Сплошь и рядом такое творится, не она первая...

– Но Пелагея Петровна сказала...

– То есть вы хотите, чтобы это все выяснили мы, – догадалась я. – Это, конечно, будет гораздо быстрее, если Василий Макарович подключит свои связи.

– Да-да, – Бубликов закивал головой, – вы уж пожалуйста... А то мы с мамой очень волнуемся, у мамы уже было два приступа...

– Конечно, у меня это получится быстрее, – солидно сказал дядя Вася. – Жена ваша документы при себе имела?

– Как? – вскинулся Бубликов.

– Ну, носила она в сумочке паспорт, пропуск, удостоверение какое-нибудь? – прикрикнула я, решив не церемониться с этим рохлей.

– Я не знаю... – Снова он глядел печально, как верблюд, обнаруживший, что из колодца в оазисе уже кто-то выпил всю воду до его прихода.

– А на работу вы ей звонили? – гнул свое дядя Вася. – Понимаете, это очень важно. Если она на работу не пришла, стало быть, ДТП вчера утром случилось, а если она была на работе, то вечером. Значительно сужается круг поисков...

– Я не знаю рабочего телефона, может быть, мама... – Бубликов понурился.

«Точно, полный придурок! – переглянулись мы с дядей Васей. – Вообще ничего про жену не знает!»

Вы спросите, отчего я не отговорила дядю Васю от этого дела, хотя интуиция моя подсказывала, что ничего хорошего оно нам не принесет? Сами посудите, клиент с большими странностями. Далее, направила его к нам Пелагея Петровна, а о ней у нас с дядей Васей остались не самые лучшие воспоминания.

Но попробуйте отговорить мужчину от чего-нибудь, когда он упрется рогом! И потом, мне и вправду захотелось помочь этой самой несчастной жене Иннокентия Бубликова. Вполне возможно, что женщина лежит без сознания в дежурной больнице, а с таким муженьком ей помощи не дожидаться...

– Думаю, нам нужно побеседовать с вашей мамой, – сказала я Бубликову, – возможно, она знает некоторые подробности о вашей жене, к примеру, как она была одета...

Бубликов снова поглядел печально и отстраненно, из чего я сделала вывод, что он-то понятия не имеет, в чем прошлым утром его жена вышла из дому.

– Пойдемте прямо сейчас! – проявил несвойственную живость наш клиент.

– Я займусь поисками, а с вами пойдет мой заместитель, – солидно сказал дядя Вася.

Ух ты, меня повысили!

Мы добрались до Наличной улицы на маршрутке, причем Бубликов даже не сделал попытки заплатить за меня. Возможно, потому, что в кошельке у него было пусто, я успела разглядеть. Аванс с него дядя Вася брать не стал – дело, мол, быстрое, выяснить, что случилось с женой, хватит одного дня.

Подъезд был тот же самый, и прежняя консьержка выглядывала из окошечка. Я сделала вид, что мы незнакомы.

По дороге я выяснила, что живут Бубликовы на седьмом этаже, как раз под квартирой, где Пелагея Петровна в отсутствие родителей пыталась сделать из Сережки полезного члена общества. Вот почему-то я уверена, что ничего у нее не получится!

Я ожидала увидеть обычную трехкомнатную квартиру, такую же, как выше этажом, но различия обнаружились уже на выходе из лифта. Вся лестничная площадка восьмого этажа была покрыта испанской напольной плиткой, перед дверью квартиры Бубликовых лежал коврик в виде симпатичного медведя-панды, над которым было написано большими буквами: «Добро пожаловать!»

Дверь была не обычная, железная, как у всех, а какая-то навороченная, с порошковым покрытием и суперсовременными замками.

Иннокентий пошарил в карманах своих мятых джинсов, ключа, видно, не нашел и нажал кнопку звонка. Тотчас послышались легкие шаги, и женский голос нараспев сказал:

– Иду, иду! Открываю, сыночка!

Дверь распахнулась без скрипа, и я увидела перед собой не старуху, нет, но пожилую даму весьма приятной наружности. Сразу бросалось в глаза, что дама очень следит за собой и не жалеет для себя, любимой, никаких средств.

Седые, слегка осветленные волосы дамы были тщательно уложены, глаза подведены, губы тронуты помадой.

– Какие новости, Кешенька? – спросила дама.

– Вот, – ее сын печально вздохнул и показал на меня.

В глазах мамы на миг мелькнуло разочарование, возможно, посылая сына к частному детективу, она рассчитывала, что он быстро вернется с женой. А тут я. Ну да ладно.

– Я бы хотела кое-что прояснить... – начала я.

– Я не разговариваю с незнакомыми людьми! – прервала меня дама. – И должна вам заметить, милочка, вы ведете себя невежливо, начиная первой.

– Господин Бубликов, – рассердилась я. – Представьте меня вашей маме! И перейдем наконец к делу!

Маму Бубликова звали Верой Павловной, и можете мне поверить, но по внешнему виду она вовсе не напоминала человека, проводшего бессонную ночь. И про два сердечных приступа ее сыночек явно приврал. Или преувеличил.

После знакомства я огляделась в квартире. Контраст с верхними соседями был разительный. Прихожая казалась гораздо больше, оттого вероятно, что убрали уродливый стеной шкаф. На полу – красивая плитка, стены покрыты дорожными обоями с неявным, но приятным узором. Светильники и мебель подобраны с большим вкусом.

Когда мы жили с мужем в собственном загородном доме, я сама занималась его отделкой. И знаю, что сколько стоит. Так вот, в этой квартире ремонт был сделан очень качественно, тут вряд ли работала бригада гастарбайтеров из Средней Азии или с Украины, квалификация этих мастеров была явно выше.

Мне удалось еще заглянуть в гостиную – дорожная испанская мягкая мебель, занавески из натурального французского шелка и много комнатных цветов.

– Кешенька, ты устал, иди к себе, – сказала Вера Павловна, – лежи, отдохни...

Сын послушно пошел по коридору, шаркая тапочками.

– Ноги! – сказала его мамаша.

Иннокентий вздрогнул, сбросил пляжные резиновые тапочки и надел домашние, в клеточку.

– Милочка, – проговорила Вера Павловна. – Может быть, выпьете со старухой чашку чая?

Чаю мне совсем не хотелось – было слишком жарко, и если я чего выпила бы, то стакан воды. Но дядя Вася в свое время посвятил меня в сложную науку завязывания отношений со свидетелями и объяснил, что ничто так не сближает, как совместное чаепитие. Так что я, недолго думая, согласилась. Только попросила не черный, а зеленый чай.

– Очень правильно, милочка! – одобрила хозяйка. – Зеленый чай гораздо полезнее, особенно в жару!

Она препроводила меня на кухню и принялась накрывать на стол, вполголоса напевая какой-то старинный романс.

Кухня, как и вся квартира, была на высшем уровне – шведская мебель из хромированной стали, матовое стекло и мореный дуб.

Под предлогом мытья рук мне удалось еще заглянуть в ванную. Там тоже все было устроено по высшему разряду.

Вера Павловна ловко сервировала чай, насыпала заварку в черный японский чайник. Я успела разглядеть упаковку – это был дорожный китайский чай ручной работы, в прежней жизни я подавала такой только самым значительным гостям мужа.

Перехватив мой взгляд, Вера Павловна вздохнула и проговорила с трогательной интонацией:

– Хороший чай – это моя маленькая слабость! Я считаю, что на себе нельзя экономить! А вот, милочка, угошайтесь печеньем, домашнее, я сама пекла!

Она придвинула ко мне изящную серебряную вазочку с воздушным печеньем.

Я взяла печенье, отломала маленький кусочек, положила в рот... восхитительно, просто тает во рту! Только... только вряд ли оно домашнее: я точно такое покупала в «Икее», это шведское овсяное печенье... точно, этот вкус ни с чем не спутаешь, да вон на шкафу стоит знакомая синяя коробка...

– Прелесть! – проговорила я с полным ртом. – Рецепт не поделитесь?

– Бесполезно, милочка! – ответила Вера Павловна с хитрой улыбкой. – Ни у кого, кроме меня, такое печенье не выходит!

Ну ладно, подумала я, если хочешь мне дурить голову – я не возражаю, перейдем к делу!

– Значит, последний раз вы видели вашу невестку вчера утром... – начала я.

– Нет, милочка, утром мы ее не видели! – возразила Вера Павловна. – Ирочка, как обычно, ушла рано, она нас с Кешенькой не беспокоит. А мы встали в десятом часу, я накормила Кешу завтраком... он любит омлет с грибами и пармской ветчиной...

«Губа не дура у Кеши», – подумала я.

– А у него работа начинается позднее? – поинтересовалась я без задней мысли.

Тут лицо Веры Павловны неуволимо изменилось. Оно отвердело, исчезла приветливая улыбка.

– Кеша сейчас не работает, – проговорила она строго. – Он ушел из школы, там его не ценили и не понимали. Эти дети просто ужасны! Они не умеют ценить хорошего отношения! Но преподаватели еще хуже... вы не представляете, какие там интриги!

– А он, простите, какой предмет преподавал? – мимоходом поинтересовалась я, думая, что мама сейчас назовет какое-нибудь трудовое воспитание или ОБЖ. На большее, по моим представлениям, этот недотепа не тянул.

– Кеша – талантливый математик! – произнесла Вера Павловна с придыханием. – В университете он подавал такие надежды! Был первым на курсе! Но вот наука в нашей стране не в почете, ему пришлось идти в школу...

– И давно он ушел из школы? – спросила я с интересом.

– В прошлом году, – ответила она и тут же добавила: – Нет, милочка, вы не думайте – Кеша искал работу, но все, что ему предлагали, было недостойно его уровня...

«Интересно! – подумала я. – Квартирка отделана по высшему разряду, в деньгах здесь явно не нуждаются, а работает одна Ирина... Иннокентий, этот унылый верблюд, целый год бездельничает, да и раньше работал в школе, где ему вряд ли много платили. Вера Павловна, понятное дело, на пенсии, вид у нее уж больно ухоженный, беззаботный. Значит, они все живут на Ирнин заработок. Понятно, что так забеспокоились, когда их кормилица пропала...»

Видимо, что-то в моем лице насторожило Веру Павловну, потому что она повысила голос и строго проговорила:

– Может быть, милочка, вы не понимаете, но мужчина, особенно мужчина с образованием и способностями, не должен идти на первую попавшуюся работу, он должен делать важное, серьезное, достойное его дело...

«А кормить его должна жена?» – подумала я, но вслух, разумеется, ничего не сказала, в конце концов, это не мое дело.

Вместо этого я задала совершенно очевидный вопрос:

– А на работу Ирине вы звонили? Что там ответили?

Неожиданно Вера Павловна смутилась:

– Понимаете, милочка, у нас нет ее рабочего телефона. И зачем он нужен, если есть мобильный? Ирочка обычно не сидит на месте, ее работа связана с частыми деловыми поездками. И вообще, я считаю, что звонить человеку на работу неприлично, сослуживцы могут подумать, что мы ее проверяем...

– А вообще где она работает... работала?

– Ах, милочка, это одна из этих современных коммэрческих фирм... – Она именно так и произнесла: «коммэрческих».

Ну, уж понятно, ее невестка не в школе работала, если обеспечивала им с сыночком такой приличный уровень жизни!

Нет, я еще не была знакома с этой женщиной, но уже глубоко ей сочувствовала, и в душе у меня крепло убеждение, что она просто сбежала от мужа и свекрови! Муж – урод, свекровь, она и есть свекровь, только деньги с бедной женщины тянули...

Но мне пришлось задать следующий вопрос:

– Все же как называется эта ее фирма?

Вера Павловна потерла переносицу, наморщила лоб.

– Что-то измерительное... метр? Грамм? Верста? Нет, что-то другое...

Она встала из-за стола и куда-то удалилась, через пять минут вернулась с женской зимней курткой.

В такую жару от одного вида этой куртки мне стало плохо. Но Вера Павловна тут же все объяснила – точнее, просто вытряхнула из карманов куртки несколько визитных карточек.

Я вместе с ней стала их перебирать.

Впрочем, большинство карточек оказались бесполезными – это были визитки стоматолога, косметолога, салона красоты... По крайней мере, я поняла, что пропавшая Ирина была нормальной женщиной, занимавшейся своей внешностью и здоровьем.

Наконец Вера Павловна с радостным возгласом протянула мне сложенный вдвое листочек.

Я развернула его и увидела приглашение на корпоративный новогодний вечер на имя Ирины Бубликовой плюс один человек. В правом верхнем углу стояло название фирмы – «Полиграфическая компания Литера».

– Ну вот, я же говорила – что-то измерительное! – проговорила Вера Павловна. – «Литр», «Литера»...

– Литера – это из другой оперы... – пробормотала я. – Но вообще это хоть что-то, хоть какая-то зацепка... пожалуй, я съезжу в эту фирму... Да, вот еще что, дайте мне какую-нибудь фотографию вашей невестки, на всякий случай...

– На какой случай? – Вера Павловна картинно схватила за сердце.

При этом нисколько не побледнела, и в глазах царило спокойствие. Поэтому я решила не церемониться.

– На случай неблагоприятного исхода, – отчеканила я, глядя старухе в глаза, – если понадобится труп опознать. Кстати, официально это все равно должен будет сделать ваш сын.

– Кеша? – Вот тут она действительно испугалась.

– Не надо волноваться раньше времени, – смягчилась я, – возможно, есть и другое объяснение исчезновения вашей невестки. Так что насчет фотографии?

– Просто не знаю, чем вам помочь... – Вера Павловна задумалась, прижав руки к щекам, – понимаете, Ирочка, она не очень любит фотографироваться...

«Наверно, страхолюдина, каких свет не видывал, – подумала я. – Кто еще за этого верблюда пойдет?»

– Но тем не менее... хоть свадебные-то фото есть у вас?

– Конечно, – старуха закивала головой, – сейчас принесу.

Она скрылась в своей комнате и оставалась там довольно долго, во всяком случае, я успела причесаться, подкрасить губы и попутно определить, что вся косметика в ванной очень и очень дорогая. Впрочем, кто бы сомневался...

Вера Павловна вернулась в некотором смущении и сказала, что она свадебного альбома не нашла.

– Так посмотрите в другой комнате! – Я была настойчива.

Она скрылась в спальне супругов и вскоре тоже вернулась ни с чем.

– Тоже нету, а Кеша спит, так что вываливать все из ящиков стола я не стала...

– И паспорта нету?

Она помотала головой.

– Хотя это радует, – вздохнула я, – значит, она его с собой взяла, легче искать... Но описать вашу невестку вы можете? Какая она – блондинка, брюнетка, худая, толстая?

– Конечно, могу! – обиделась Вера Павловна. – Ирочка – очень симпатичная молодая женщина, одета по моде и со вкусом, собой занимается, ходит в салон красоты и на фитнес, следит за весом. Росту среднего, скорей худощавая, чем полная, брюнетка, волосы прямые, до плеч... Глаза темные, нос чуть-чуть длинноват, но это ее нисколько не портит...

Я очень удивилась: если свекровь не находит во внешности невестки ничего предосудительного, кроме чуть длинного носа, стало быть, женщина и правда выглядит неплохо. Что же такого она нашла в этом Бубликове?

– Знаете, – высказала здравую мысль Вера Павловна, – когда Кешенька проснется, я поищу фотографии и посмотрю в шкафу, что отсутствует из Ирочкиной одежды. И тогда вам позвоню.

Я поблагодарила хозяйку за чай и печенье и покинула ее квартиру.

Однако, спустившись на первый этаж, не вышла из подъезда, а остановилась у стеклянной будочки уже знакомой мне консьержки.

Та, как обычно, разгадывала кроссворд.

– Парабеллум, – подсказала я, заглянув в газету.

– Что?! – переспросила тетка, вздрогнув и подняв глаза.

– Огнестрельное оружие из десяти букв по вертикали – «парабеллум». А вы, как я вижу, все так же бдительно несете службу?

Консьержка узнала меня и тут же приняла преданный и заискивающий вид.

– Виновата! – проговорила она. – На секунду отвлеклась! Но вы не думайте, я за теми мальчишками слежу, все их передвижения записываю. Вот тут у меня все отмечено... – Она вытащила из тумбочки тетрадь и принялась читать:

– Восемнадцать ноль семь – Пустышкин вышел из дома с сумкой, через пятнадцать минут вернулся с хлебом... девятнадцать сорок одна...

– Отставить! – остановила я ее. – Эти мальчишки меня и мое начальство больше не интересуют. Теперь нам нужно узнать все, что можно, про Ирину Бубликову.

– Это которая с седьмого этажа? – заметно оживилась консьержка. – Очень подозрительная личность! Уходит из дома каждое утро в восемь тридцать...

– Что же в этом подозрительного? – удивилась я. – Ну, ходит человек на работу к определенному времени...

– Так-то оно так, – согласилась женщина. – Только вот смотрите: раньше она на маршрутку садилась, номер девяносто семь. А последние два месяца за ней машина черная приезжает. Садится эта Ирина в машину, как какая начальница...

– Ну, может, и правда ее повысили, – проговорила я машинально. – Положена ей машина по новой должности...

– Ага, а чего ж она тогда прячется? – выпалила консьержка. – Которые начальники – так те перед самым крыльцом в машину садятся, чтобы все соседи видели и завидовали, а эта, Ирина-то, двором на другую сторону дома пройдет и только там уже сядет...

– Эй, постойте-ка! – опомнилась я. – А откуда, интересно, вы это знаете? Ведь из этой вашей кабинки и улица-то не видна, не то что обратная сторона дома!

– Это вы правильно говорите, что не видна, – согласилась консьержка. – Но я, поскольку привыкла к бдительности, так нашла способ за ней присмотреть.

Она вышла из своего аквариума с табуреткой в руках, прошла в глубину подъезда и показала на маленькое зарешеченное окошко под самым потолком.

– Вот, в то окошко как раз все видно!

– Да оно как высоко-то!

– А я на табуреточку встану... – Тетка ловко вскарабкалась на табуретку, приникла к окну и доверительно сообщила:

– Вот как раз к Алле Васильевне, которая со второго этажа, брюнет ее идет. Между прочим, с цветами!

– Брюнет с цветами нас пока не интересует, – ответила я.

Консьержка с сожалением слезла с табуретки и вернулась на свое рабочее место.

А я, прежде чем уйти, задала ей еще один вопрос:

– Значит, вы говорите, последние два месяца Ирина Бубликова ездила на работу на одной и той же машине? И вчера тоже?

– А вот и нет! – консьержка приосанилась, почувствовав, что владеет ценной информацией. – То за ней все время черная машина приезжала, а вчера – зеленая. И в черную-то она возле киоска газетного садилась, а зеленая ее на полпути подхватила, около поворота, так что я даже номер не успела записать...

– Не успели записать? – удивилась я, осознав смысл ее слов. – Значит, номер черной машины успели? Что же вы мне сразу не сказали?

– А вы не спрашивали! Как же я номер не запишу? Я ведь знаю, что бдительность важнее всего, я ведь двадцать лет во вневедомственной охране отслужила, двадцать лет с пистолетом на боку! И за все время ни одного нарекания, а только четыре благодарности!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.